

Д. Г. ДАМДИНОВ

Этно-лингвистический очерк хамниганского говора

ВВЕДЕНИЕ

Хамниганы являются одной из этнографических групп Забайкалья. Язык их составляет самостоятельный говор бурятского языка.

Основная масса хамниган онойской группы проживает в Кыринском (села Алтан, Кыра, Бырка, Шумунда, Тарбальджей, Мангут, Ульхун-Партия), Акшинском (с. Курулга), Дульдургинском (села Узон, Токчин) и в Агинском (с. Гунуй) районах Читинской области. Полностью заселены хамниганами Тарбальджей, Курулга, Узон, Токчин и Гунуй, в остальных — они проживают попеременно с русскими. Общая численность онойской группы хамниган составляет около пяти тысяч человек.

Нерчинско-урульгинская группа забайкальских хамниган проживает в Могойтуйском, Карымском, Шилкинском и Оловянинском районах. Большая часть урульгинских хамниган за последние годы переехала из Шилкинского и Карымского районов в Могойтуйский. Численность шилкинских и карымских хамниган с переселившимися в Агинский округ составляет несколько сот человек.

Хамниганы-буряты проживают также в восточной части Агинского округа: в колхозах им. Кирова (Хара-Шибирь) более 20 семей, «Путь Ильича» (Цаган-Ола) — 15 семей, «Красный Октябрь» и «Улан-Одон» (Ургуй) — более 20 семей. Все они являются выходцами с бассейна реки Турги (бывшей территории Шундуинской инородческой управы Урульгинской степной думы) и по этническому составу относятся большей частью к восточным и западным улятам, сартулам, долотам, намятам и др. Эти хамниганы перекочевали сюда в 1930-х годах, когда проводилась работа по укрупнению колхозов. На старых местах жительства осталось более 20 семей. Эти хамниганы считают себя бурятами и разговаривают на бурятском языке.

В их речи под влиянием языка агинских бурят в мягкорядных словах вместо *к* употребляется звук *х*, вместо *с*—*h*, вместо аффрикатов *дз*, *дж*, *ч*, *ц* — согласные звуки *з*, *ж*, *ш*, *с* и т. д.

От хамниган-бурят коренным образом отличаются обрусевшие тунгусы (эвенки), говорящие только по-русски. Эта категория тунгусов, по-видимому, является теми конными тунгусами, о которых не раз упоминается в литературе¹.

¹ См.: П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III, половина первая, 1772 и 1773 годов, СПб., 1788, стр. 330; Народы Сибири. М., 1956, стр. 701—730; С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 504.

Они проживают в селениях Олдондо, Тюкавкино, Передняя Бырка Борзинского района и в других районах восточной части Читинской области (на территории бывшей Маньковской инородческой управы Урульгинской степной думы Читинского округа). Эти местные обрусевшие тунгусы признают себя тунгусами (эвенками).

Несмотря на малочисленность носителей этого говора и влияние на него бурятского и монгольского языков, в нем сохранились особенности лексики, фонетики и морфологии старописьменного монгольского языка, которые отсутствуют в других современных говорах бурятского языка.

Относительно происхождения самого названия и этимологии слова «хамниган» существуют различные мнения. Многие исследователи склонны считать хамниган тунгусами (эвенками), хотя общего между ними мало. В 60-х годах XVII столетия с поселением князя Гантимура на территории Забайкалья и с установлением ему удела нерчинских тунгусов в его ведомство были зачислены ононские хамниганы и немногочисленные «бродячие тунгусы» из родов дулигат, вакасил, луникер и пуцагат (почегор)¹. Местные жители старшего поколения утверждают, что в урочище Бырка «бродячие тунгусы» примкнули к ононским хамниганам и ассимилировались с ними. Хотя определение ононских и нерчинских хамниган как тунгусов с их омонголившимся языком давно закрепилось в научной литературе², однако, как кажется, оно не имеет мотивированного обоснования.

Предварительное знакомство с материалами о хамниганах, изучение легенд и преданий о них дает повод считать, что словом «хамниганы» сначала обозначалась одна из этнических групп монголов и лишь впоследствии среди бурят это название распространилось на тунгусов (эвенков). Подобная версия высказывалась К. Уран-Кехальми³, К. В. Вяткиной⁴, Г. Н. Потаниным⁵.

О высказываниях Г. И. Рамstedта, П. С. Палласа и других исследователей по этому вопросу нами упоминалось ранее⁶.

В статистических данных Забайкалья XVII—начала XVIII вв. хамниганы числились монголами, составляя всего лишь 7500 человек⁷.

Из материалов Куломзинской экспедиции видно, что все ононские хамниганы считали своими родными языками и бурятский, и монгольский языки со значительным преобладанием последнего. В материалах переписи 1897 года имеются сведения о том, что все тунгусы, проживающие по Онону и по китайской границе, окончательно обурятились, хотя и живут совместно с русскими, и настолько подверглись влиянию соседних бурят, что почти не отличаются от них.

¹ См.: М. А. Сафьяников. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа. «Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отд. Приамурского отд. Императорского РГО», т. I, вып. 1, 1898 (М., 1899), стр. 16.

² См.: Народы Сибири. М., 1956, стр. 701—730.

³ См.: К. Уран-Кехальми. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. «Краткие сообщения Ин-та народов Азии», 83, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 163.

⁴ См.: К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики. «Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая», н. сер, т. LX. М.-Л., 1960, стр. 245.

⁵ См.: Г. Н. Потанин. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. II, СПб., 1883, стр. 313.

⁶ См.: Д. Г. Дамдинов. К вопросу о происхождении ононских хамниган. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 10, Улан-Удэ, 1962, стр. 171, 172.

⁷ См.: Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960, стр. 616—617, табл. 20.

⁸ См.: С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири. Ч. I, вып. 2, СПб., 1906, стр. 86, 184, 185.

Б. О. Долгих¹ и С. К. Патканов² в своих работах утверждают, что многие роды забайкальских хамниган, хотя и входили в тунгусское ведомство князей Гантимуровых, являются монгольскими.

Исследователь забайкальских тунгусов Е. И. Титов отмечает, что урульгинские тунгусы (он их называет забайкальскими метисами) — это буряты с родным языком бурятским³.

К. Урай-Кёхальми, занимавшаяся исследованием этногенеза хамниган Монгольской Народной Республики и Забайкалья, во изменение ранее сложившегося взгляда, пришла к выводу, что «...они (хамниганы) представляют собой различные тунгусские и монгольские элементы, слившиеся в одну этническую группу⁴».

Академик Б. Ринчен (МНР) также пишет о смешанном составе хамниган Монголии (тунгусские и монгольские роды)⁵.

Итак, по мнению большинства исследователей, хамниганы Забайкалья (главным образом ононские) являются обурятившимися племенами, состоящими из монгольских и частично тунгусских родов.

Специальной работы, посвященной изучению языка ононских хамниган, нет. Имеется работа М. А. Кастрена⁶, но в ней освещен язык урульгинских и маньковских тунгусов.

Урульгинский и маньковский говоры представляют собой, по всей вероятности, нерчинский диалект тунгусского языка, который, как отметил Кастрен, «в значительной мере бурятизирован⁷».

В языке ононских хамниган сохранилось много черт, характерных раннему периоду монгольского языка. Как известно, из современных монгольских языков некоторые черты этого периода сохранил дагурский язык. Любопытно отметить, что в исследуемом нами говоре встречается много особенностей, совпадающих с таковыми дагурского языка.

Например, в дагурском языке краткие гласные непервых слога в некоторых случаях не ассимилировались с гласным первого слога: *дабхур* (двойной), *алху* (шагать). Аналогичная картина наблюдается в говоре ононских хамниган: *дабкхур*, *алкху*.

Во многих словах дагурского языка и хамниганского говора сохранился исторический звук *i* первого слога: дагур. *н'ид*, он. хамн. *нидү* (глаз); дагур. *шидэ*, он. хамн. *сидү* || *шидү* (зуб); дагур. *б'итиг*, он. хамн. *бичиг* (письмо, надпись, книга).

В дагурском языке сохранилось полное спряженное вспомогательного глагола *а-* (быть). В языке хамниган эти формы также встречаются.

Говор ононских хамниган по своему географическому расположению находится на стыке бурятского и халха-монгольского языков. Поэтому большой интерес представляет его сравнение со смешанным монгольским диалектом пограничной ойратско-халхаской полосы⁸.

Ононские и урульгинские хамниганы говорят на особом бурятско-монгольском наречии. Между этими говорами и смешанным ойратско-халхаским диалектом Западной Монголии имеется ряд одинаковых фонетических, морфологических и лексических особенностей, которые, од-

¹ См.: Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 348.

² См.: С. К. Патканов. Указ. соч., стр. 98.

³ См.: Е. И. Титов. Конские бега в Восточном Забайкалье. Иркутск, 1924, стр. 4—7.

⁴ См.: К. Урай-Кёхальми. Указ. соч., стр. 161.

⁵ См.: Б. Ринчен. Тунгусы МНР. БНМАУ Шинжлэх ухааны академийн мэдээ, 3. Улаан-баатар, 1965, стр. 69.

⁶ См.: М. А. Кастрен. Основы изучения тунгусского языка. СПб., 1856, стр. I—XVI—140.

⁷ Цитируется по приложению к кн. Е. И. Титова. Тунгусско-русский словарь. Иркутск, 1926, стр. VII.

⁸ См.: Б. Я. Владимирцов. О двух смешанных языках Западной Монголии. «Яфетический сб.», вып. II, Пг., 1923, стр. 32—62.

нако, далеко не всегда могут встретиться в современном халха-монгольском и бурятском языках. В ойратско-халхаском смешанном диалекте и в говоре олонских хамниган сохранился старомонгольский заднеязычный, смычный, глухой звук к: ойрат.-халх. *так'аа*, он. хамн. *так'ээ* || *так'аа*, монг.-письм. *takiya* (курица); ойрат.-халх. *дак'аад*, он. хамн. *дак'ээд* || *дак'аад*, монг.-письм. *dakiyad* (опять, снова).

В ойратско-халхаском диалекте и у олонских хамниган монгольский письменный *з* соответствует сильной, шумной, смычной аффрикате *ч* и щелевому, сильному, глухому *ш*: ойрат.-халх. *чипр*, он. хамн. *читар* || *шитар*, монг.-письм. *sitar* (шахматы); ойрат.-халх. и он. хамн. *чикэр*, монг.-письм. *siker* (сахар).

Ойратские наречия сохранили более старый вокализм — *ö*, *y*, что имеет место и у олонских хамниган — *ö* || *õ*, *y*. Например: ойрат. нар. *öнор*, он. хамн. *öндөр* (высокий), ойрат. нар. *gölgo*, он. хамн. *гөлөгө* (щенок), ойрат. нар. *узне* || *узне*, он. хамн. *үдзэнэ* (читает, проводит).

Ойратские наречия Западной Монголии и язык олонских хамниган в раннем звучании сохраняют в слове конечный гласный: *усу* (вода), *мүсү* (лед), *хоноху* (ночевать), ср. соответственно *усу*, *мүсү*, *хонокху*.

Встречаются также слова, характерные только смешанному ойратско-халхаскому диалекту и говору олонских хамниган, не употребительные в халха-монгольском и бурятском языках. Например: ойрат.-халх. и он. хамн. *түнгэрцэг* (кожаный мешочек для сухого чая); ойрат.-халх. и он. хамн. *оргоног* (веревочка для завязывания мешочка); ойрат.-халх. и он. хамн. *цанцуг* (челка у лошади); ойрат.-халх. и он. хамн. *онхон* (молодой березняк); ойрат.-халх. *шар хурамш*, он. хамн. *сира* || *шира кхурамчи* (старый желтый войлок).

Такая общность лексики могла быть результатом «глубокого проникновения больших масс носителей одного языка на территорию, занятую носителями другого языка, то есть в результате внутрирегионального контактирования»¹. Подобного рода контактирование вполне допустимо в отношении носителей как ойратско-халхаского диалекта, так и говора олонских хамниган. Например, известно, что в XVII в. народные массы Халха-Монголии претерпели тяжелые бедствия в результате многолетней изнурительной междоусобицы князей и нападения извне. В этот же период джунгарские войска Галдан-Бошукту, выступившие против маньчжурского императора Канси, полностью разорили страну. Отдельные группы кочевников спасались бегством в Россию. В частности, в одном сообщении говорится, что в 1731 г. большая группа перебежчиков (около 1500 юрт) расселилась по рекам Алтан, Агуце, Кыре, Борзе и Онону², то есть на территории распространения говора олонских хамниган. Имеются и другие случаи перехода монголов за Онон. В 1665 г. вышел из Монголии один монгольский род со своим родовичем, который под названием мунгальского рода вошел в состав Урульгинской управы; позднее из Маньчжурии вышло несколько родов с родовичами. К последним присоединились перебежчики — монголы, потомки которых составляли Кужертаевскую и Онгоцонскую управы³.

¹ Б. А. Серебренников. Проблема субстрата. «Доклады и сообщения Института языкознания АИ СССР», № 9, 1956, стр. 36.

² См.: Н. Б а н т ы ш-К а м е н с к и й. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 г. по 1792 г. Казань, 1882, стр. 215.

³ См.: М. А. С а ф ь я н н и к о в. Материалы к устройству судебной части по делам инородцев Приамурского края. Инородцы Читинского округа. «Тр. Троицкосавско-

Антропологические данные кыринской группы ононских хамниган говорят о том, что «...своеобразие типа кыринских бурят сложилось вследствие сочетания черт типа, близкого к ~~монгольскому~~ и ~~кыринскому~~ комплексом признаков, характерных для восточных бурят, например, агинских. Носители этого последнего типа, вероятно, численно преобладали, вследствие чего особенности прежнего антропологического типа выступают лишь в виде остаточных явлений»¹.

В настоящее время образ жизни, материальная и духовная культура, традиционные праздники, обычаи ононских хамниган и бурят ничем не отличаются. Буряты и ононские хамниганы ранее занимались в основном натуральным кочевым скотоводческим хозяйством. Основу хозяйства составляло разведение скота: овец, лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов. Как и у других монгольских племен, у них была развита обработка кожи и меха, идущих, главным образом, на пошивку одежды и обуви. Из кожи изготовляли почти всю верхнюю одежду, вплоть до брюк. Часть обработанной кожи шла на утварь: делались всевозможные походные мешки, сумы и другие изделия. Также у них было развито прядение шерсти и вязание, валяние войлока и т. д. Из готового войлока собиралась юрта. Часть его использовалась на разного рода потники и другие мелкие вещи. Материальная культура хамниган была одинаковой с бурятской и монгольской. Все население хамниган круглый год проживало в решетчато-войлочных юртах монгольского типа. Кроме юрт, каждая семья имела тонкостенный летник походного типа. Скудная мебель, сделанная мастерами-хамниганами, состояла из деревянной кровати, сундуков и ящиков, разборного буфета (полок), киота для бурханов (обязательного для каждой семьи), маленьких низеньких продолговатых столиков и стульчиков, разборных настилов и т. д. Почти вся посуда была деревянной, кроме чугунов и котлов. Забайкальские хамниганы носили одежду, сходную с одеждой бурят и монголов. В начале нашего века у более состоятельных хамниган начали появляться деревянные стационарные дома.

В результате социалистического переустройства хозяйства происходит массовый переход ононских и урульгинских хамниган на оседлый образ жизни. Выросли поселки и селения. Все население теперь живет в деревянных домах с мебелью русского типа, но сохранились еще и юрты. Наряду с национальной бурятской одеждой распространение получила одежда, заимствованная у русских. Теперь сельское хозяйство у хамниган ведется на основе механизации и электрификации. Полукочевой образ жизни ведут только пастухи и чабаны.

В последнее время опубликованы исследования о языке и происхождении монгольских хамниган, являющихся в прошлом выходцами с Онона².

Фонетические и некоторые другие особенности монголо-хамниганского диалекта, отмеченные К. Ураи-Кёхальми и Л. Мишиг, в основном совпа-

Кяхтинского отд. Приамурского отд. Императорского русск. геогр. о-ва», т. I, вып. I. 1898 (М., 1899), стр. 16.

¹ И. М. Золотарева. Этническая антропология бурят. «Этногр. сб.», вып. I, Улаан-Удэ, Бурятское кн. изд-во, 1960, стр. 26—27.

² См.: К. У.-Кёхальми. Der mongolisch-kamnganische Dialekt von Dadal Sum und die Frage der Mongolisierung der Tungusen in der Nordmongolei und Transbaikalien. Acta Orientalia, t. IX, f. 2. Budapest, 1959, s. 163—204; К. Ураи-Кёхальми. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган. «Краткие сообщ. Ин-та народов Азии», 83, М., 1964, стр. 156—204; Л. Мишиг. Монгол ард улсын зарим нутгийн хамниган аялгууг сурвалжилсан нь. Улаан-Баатар, 1959. Эта же работа опубликована в материалах первого международного конгресса монголоведов. См. в кн.: «Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анх дугаар их хурал», вып. I, Улаан-Баатар, 1961, стр. 183—203; К. В. Вяткина. Монголы Монгольской Народной Республики, стр. 246.

дают с особенностями говора олонских хамниган. Правда, имеются небольшие расхождения, обусловленные, по-видимому, тем, что этнические группы хамниган в течение значительного времени живут разрозненно, подвергаясь влиянию разных языков (бурятского и халха-монгольского).

Л. Мишиг отмечает, что в монголо-хамниганском диалекте в некоторых случаях дифтонги, как таковые, еще не установились. В речи старых людей Бальжихана еще слышатся сочетания типа *aji*, *oji*, *yji*: *bajina* (есть, стоит), *ojira* (близко), *dzüjidel* (шов). Материалы исследований по олонско-хамниганскому говору также показывают, что в нем дифтонги имеют отличия от соответствующих звуков бурятского языка.

К. Урай-Кёхальми и Л. Мишиг отмечают, что в диалекте монгольских хамниган, главным образом в фонетике, имеются архаические черты. К одной из таких особенностей относится отсутствие перелома гласных в таких словах, как *nidurga* (кулак), *ilaa* (муха), *sidu* (зуб) — У.-Кёхальми; *tsino*, *tsidur*, *tsindaya*, *sira*, *nitük*, *nidü* || *nüdü*, *silö*, *silüsü* || *silüs*, *dziryal* — Л. Мишиг. Эта же особенность характерна и для языка олонских хамниган.

Указанные выше авторы считают, что одной из архаических черт в языке монгольских хамниган является сохранение древнего звучания гласных в непервых слогах: *aru* (спина), монг.-письм. *aru*; *al'xu* (горсть), монг.-письм. *adqu*; *elige* (печень), монг.-письм. *eligen* — У.-Кёхальми; *sarluk*, *tölüge*, *öndür* || *ündür*, *mördükü* || *mürdükü* — Л. Мишиг. Такое явление имеет место и в говоре олонских хамниган: *tajilбури* || *та-ишлбури* (отгадка, разъяснение), монг.-письм. *tajilburi*; *jacy* (кость), монг.-письм. *jasun*.

Сохранение глухого смычного звука *k* также квалифицируется как остаток прошлого монгольских языков: монг.-хамн. *kimus*, он. хамн. *кимусу* (ноготь), монг.-письм. *kimusun*; монг.-хамн. *k'el*, он. хамн. *kélé* (язык), монг.-письм. *kelen*.

Л. Мишиг также отметил ряд черт, которые, по его мнению, восходят к монгольской речи XIII в.: 1) отсутствие редуцирования кратких гласных непервых слогов — *kürigen*, *quriya* || *xuriya*, *baridzi*, *kelekü*, *kikü*, *uquna*; ср. он. хамн. *тамаки* (табак), монг.-письм. *tamaki*; *араки* (вино), монг.-письм. *araki*; 2) сохранение в речи некоторых хамниган древних монгольских сочетаний типа «гласный + *j* + *i*», еще не превратившихся в дифтонги — *ojira*, *qojiluk*, *bajina*, *najima*; 3) употребление некоторыми группами хамниган звуков *l* и *d* вместо исконного *s*, что идет, по мнению автора, от монгольского письменного языка — *uutki*, *nidkü*, *ömödkü*, *büd* вместо халхаских *уушги*, *ниисэх*, *өмсөх*, *бөс*. В языке олонских хамниган согласный звук *ö* заменяется согласным *s* в косвенных падежах и глагольных формах, например: *бөд* — *бөсөөр*, *бөсөөсө* (материал — материалом, из материала); *ниисээд*, *босоод ирөө* (поднялся и прилетел).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В о к а л и з м. В говоре олонских хамниган гласных фонем 19. Из них: 7 кратких (*a*, *u*, *o*, *ө*, *y*, *ү*, *э*), 7 долгих (*aa*, *uu*, *oo*, *өө*, *yy*, *үү*, *ээ*), 5 дифтонгов (*^auu*, *^ouu*, *^өuu*, *^yuu*, *^үuu*).

Гласные звуки по способу образования, подъема языка, огубленности и неогубленности, по характеру их артикуляций не имеют существенных отличий от гласных бурятского языка¹. Некоторую специфику имеют дифтонги и гласный *ө*.

¹ См.: И. Д. Бураев. Звуковой состав бурятского языка. Улан-Удэ, 1959, стр. 105—161; «Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология». М., Изд-во восточной литературы. 1962, стр. 8—11.

Краткий гласный звук *ө* встречается в словах с мягкорядными гласными вместо гласных звуков *у* и *э* бурятского литературного языка.

Фонема *ө* артикулируется небольшим подъемом языка к твердому нёбу, при этом губы несколько округляются, составляя переднюю границу резонатора.

Звук *ө*, как и в монгольском языке, может употребляться во всех позициях слова. Например:

он. хамн.	бур.	монг.	значение
<i>өкө</i>	<i>үхэ</i>	<i>өх</i>	давать
<i>нөхөр</i>	<i>нүхэр</i>	<i>нөхөр</i>	товарищ
<i>ирөкө</i>	<i>ерэхэ</i>	<i>ирэх</i>	приехать
<i>өдөр</i>	<i>үдэр</i>	<i>өдөр</i>	день
<i>өцөгөлдөр</i>	<i>үсэгэлдэр</i>	<i>өцөгдөр</i>	вчера

Дифтонги исследуемого говора по своему произношению и образованию отличаются от таковых бурятского литературного языка и его говоров. Одной из характерных особенностей данного говора является то, что в нем исторический дифтонг *ei* (*eji*), так же как в современном монгольском языке¹, еще не потерял своего дифтонгового характера; сохранение архаичной формы произношения наблюдается и у других дифтонгов, употребляемых в начале и в середине слова: *aji*, *oji*, *yji*, *uji*. Эта особенность ярко выражена в речи хамниган сел Алтан и Кыра. Например: *тэјүмү* (такой), *цэјүдэм* (забеленный молоком напиток), *ојүмосу* (чулок), *хкојино* (позади) и т. д.

У хамниган токчинской группы наблюдаются дифтонги несколько другого характера: из исторических дифтонговых сочетаний *aji*, *oji*, *yji*, *uji*, *eji* здесь сохранился звук *i*, а интервокальный согласный звук *j*, потеряв свой шумный признак, перешел в звук *i*, в результате образовался долгий гласный звук *ii*, который обусловил появление ярко выраженных восходящих дифтонгов *ʷii*, *ʷii* и др. Сравним примеры: *тʷиимэ*, *цʷиидэм*, *тологʷии*.

К о н с о н а н т и з м. Согласных фонем в исследуемом говоре значительно больше, чем гласных. Всего их насчитывается 31: *б, б', г, г', д, д', дж, дз, ј, к, к', л, л', м, м', н, н', нг, п, п', р, р', с, с', т, т', х, ц, ч, ш, ш'*. Как видно из перечня согласных, хамниганский говор отличается от бурятского литературного языка² в первую очередь наличием аффрикат *дж, дз, ч, ц*, которые соответствуют щелевым звукам *ж, з, ш, с*; кроме того, в хамниганском говоре часто употребляются заднеязычные смычные глухие звуки *к, к'* отсутствуют заднеязычный мягкий звук *х'* и фарингальный *h*. Вместо последнего употребляется переднеязычный щелевой звук *с*. Как самостоятельные фонемы выделяются мягкие звуки *с'* и *ш'*.

По своему звуковому составу хамниганский говор близок к цонгольскому говору³, правда, в цонгольском говоре отсутствуют звуки *к, к', г', с', ш'*, а в говоре ононских хамниган отсутствует мягкий звук *х'*.

Говор ононских хамниган отличается от монгольского языка по составу консонантизма тем, что в монгольском языке нет согласных звуков *с', ш', к, к'*, а в хамниганском — отсутствует звук *х'*.

Итак, по составу согласных звуков исследуемый говор более близок

¹ См.: Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 25.

² См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 37—104.

³ См.: Ц. Е. Будаев. Фонетические особенности цонгольского говора. «Краткие сообщ. БКНИИ СО АН СССР», вып. IV, Улан-Удэ, 1962, стр. 122.

к современному монгольскому языку и цонгольскому говору бурятского языка.

Аффриката *дж* в слове встречается во всех позициях, кроме абсолютного его конца. Например: *дзаджил-* (жевать), *джиргал* (счастье, радость), *уджи* (соска).

Аффриката *дж*, соответствующая звуку *j* перед звуком *i* старописьменного монгольского языка, произносится, как правило, смягченно, по-видимому, под влиянием следующего за ней звука *и*. И лишь в редких случаях она не палатализуется, вследствие перелома звука *и* в звук *а*. Например: *джаахан* (маленький, немного); *хаджаасу* (оторочка, ранты).

В монголо-хамниганском диалекте¹ также имеется аффриката *дж*, употребляющаяся перед звуком *и*.

Аффриката *ц* в исследуемом говоре соответствует звукам *с*, редко — *ш*, употребляемых в литературном бурятском языке. Она встречается в начале, середине и очень редко в конце слова (в междометиях). Например: *ицаг* (свисающая кисточка), *алцуур* || *алчуур* (кисет), *эрэчуул* || *эрэцуул* (мужчина, мужчины), *цыц* (окрик, которым отпугивают собак).

Из приведенных примеров видно, что согласный звук *ц* соответствовал звуку *с* старописьменного монгольского языка. Этот звук *с* перед звуком *i* переходит в звук *ч*, а перед другими гласными — в *ц*. Переход звука *с* в звуки *ч* или *ц*, по-видимому, проходил с некоторыми исключениями².

Вместо звука *ш*, редко *с* бурятского языка в исследуемом говоре встречается и произносится аффриката *ч*. Первый элемент ее — сильно палатализованный звук *т'* или скорее всего среднеязычный смычный согласный звук, второй — смягченный щелевой звук *ш'*. Эта аффриката на слух является сильно палатализованным звуком. За ним в большинстве случаев следует гласный звук *и*. Например: *чино* || *чоно* (волк), *чиши*³ (мизинец), *чилөө* || *цүлөө* (свободное время, досуг).

Аффриката *дз* произносится аналогично звуку *ц*. Разница заключается лишь в том, что фонема *дз* — слабый, звонкий звук, а *ц* — сильный, глухой. В отличие от звука *ц* фонема *дз* перед гласным *и* не встречается. Например: *дзам* (дорога, путь), *гэдзэгэ* (коса).

Заднеязычный звук *к* образуется при смыкании задней части спинки языка с мягким небом.

В словах с мягкорядными гласными во всех позициях произносится заднеязычный, глухой, сильно аспирированный звук *к*, а в словах с твердорядными гласными этот звук встречается только перед звуком *и*; в других позициях употребляется увулярный спирант *х*. Кроме того, в словах с твердорядными гласными имеет место употребление аффрикаты *кх*. Например: *көөсү* (пена), *кэшидкэку* (веять, развеваться), *кхудаг* (колодец), *кхојир* (два), *кходкиног* (прямая кишка).

В хамниганском говоре перед исчезнувшим или бытующим гласным звуком *и* при образовании долгого гласного из двоедлога *иуа* встречается палатализованный звук *к*.

Непалатализованный звук *к* встречается перед мягкорядными гласными звуками *э*, *ү*, *ө*. Фонема *к* имеет два оттенка: 1) заднеязычный, несколько продвинутый вперед неогубленный оттенок перед *э*, *ээ*: *цэкэ* (прямо); 2) заднеязычный, но огубленный оттенок перед огубленными

¹ См.: Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 190.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., изд. Ленинградского Восточного института имени А. С. Енукидзе, 1929, стр. 405—406.

гласными мягкого ряда *γ, γγ, γи, θ, θθ*: *кун* (человек), *күүр* (могила), *көөсү* (пена), *көнджилө* (одеяло). Акустически разница между этими двумя вариантами довольно ощутима. Например: *дэлэ³хи* (земля, вселенная), *көкү* || *күкэ* (синий), *күрмү* || *күрмэ* (куртка).

Заднеязычный звук *к* встречается также и в других современных монгольских языках и диалектах¹, в частности: в дархатском, западно-монгольском или ойратском, в монгольских языках и диалектах Китая (ойратском, алашанско-эздинаском, хуху-норском и частично шилингольском, чахарском, ордосском, ару-хорчинском, хорчинском, харачин-тумутском говорах), в дагурском, монгольском, калмыцком языках, нижеудинском говоре бурятского языка, в монгольско-хамниганском диалекте.

Кроме заднеязычных звуков *к* и *к'*, в говоре ононских хамниган встречается заднеязычная аффриката *кх*, смычная часть которой артикулируется неясно. Эту аффрикату можно назвать глубоко-заднеязычным согласным, образующимся в результате одновременного действия спирации и смычки более дальнего участка задней части спинки языка с мягким нёбом. По горизонтальному положению языка аффриката *кх* как бы стоит между звуком *к* и *х*. Эта аффриката употребляется в начале и середине слова в сочетании с твердоядными гласными вместо увулярного спиранта *х*, если за ним или за слогом с этим согласным следует палатализованный слог или согласный звук. Аффриката *кх* не играет смысло-различительной фонематической роли и является оттенком фонемы *х*. Например: *кхони* (овца), *кхуджир* (солончак).

Аффриката *кх* также встречается между гласными в середине слова и в последнем слоге, если за ним следует гласный звук *у*. Например: *цокху* (жук), *токхукху* (седлать), *онг^оицлокху* (открывать).

На наш взгляд, аффрикатное сочетание *кх* в говоре ононских хамниган — не случайное явление. Еще Г. И. Рамстедт писал: «...«к» (задний «к») видимо уже рано, может быть, еще в общемонгольское время, изменился в сложный *кх*». Там же говорится, что «... способ передачи монгольских слов армянским писателем Гирагосом был: *кх* или *к*»². В работе Б. Я. Владимирцова³ также говорится об аффрикате *кх*, которая имеется во многих монгольских языках. Об этой аффрикате упоминается и в статьях проф. Г. Д. Санжеева⁴, венгерских ученых Л. Бэшэ⁵ и К. У.-Кёхальми⁶.

На данном этапе развития хамниганского говора звуки *к* и *х* являются самостоятельными фонемами, но их различие постепенно начинает стираться. Признаком этой стадии развития является появление заднеязычного аффрикатного сочетания *кх* и *кх*, смычная часть которого

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Изд-во АН СССР, Л., 1931, стр. 13—14; Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—405; Б. Х. Тодаева. Монгольские языки и диалекты Китая. М., Изд-во восточной литературы, 1960, стр. 27; «Дагурское наречие». Л., АН СССР, 1931, стр. 127; Д. А. Павлов. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, Калмгосиздат, 1963, стр. 85—86; К. У.-Кёхальми. Указ. соч., стр. 168—169.

² Г. И. Рамстедт. Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халха-ургинского говора. СПб., типография императорской Академии наук, 1908, стр. 8.

³ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—404.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Фонетические особенности говора нижеудинских бурят. Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 1.

⁵ См.: L. Bese. Contributions to the Khöri-Buriad Sub-dialect of Jvolga. Acta Orientalia, Hung. t. XV, f. 1—3, s. 17; L. Bese. Remarks on a Western khalkha Dialect. Acta Orientalia, Hung., t. XIII, f. 2, 1961, s. 276—294.

⁶ См.: К. У.-Кёхальми. Указ. соч., стр. 168—169; Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 190.

артикулируется неясно. Существование звука *к* в западно-халхаскнх говорах монгольского языка, у монголов КНР, у нижнеудинских бурят¹ и у других, как нам представляется, дает возможность рассматривать этот звук как остаточное явление языка монголоязычных этнических групп раннего периода.

Употребление звука *к* в языке письменных памятников XIII-XIV вв., в частности в «Сокровенном сказании»², совпадает с нынешним употреблением его в языке ононских хамниган.

Сравним:

«Сокров. сказ.»	он. хамн.	бур.	монг.	значение
<i>ийекүй</i> (стр. 210)	<i>идэку</i>	<i>эдихэ</i>	<i>эдих</i>	кушать
<i>бийкүй</i> (стр. 343)	<i>бүкү</i> (<i>бүкэ</i>) <i>бөкө</i>	<i>бүхэ</i>	<i>бат бөх</i>	крепкий
<i>көдөлжү</i> (стр. 344)	<i>көдөлджи</i>	<i>хүдэлжэ</i>	<i>хөдлөж</i>	двинувшись
<i>көвийген</i> (стр. 385)	<i>күбүүн</i>	<i>хүбүүн</i>	<i>хүү</i>	сын
<i>сикүй</i> (стр. 388)	<i>ичику</i> (<i>ичикэ</i>)	<i>эшэхэ</i>	<i>ичих</i>	стыдиться
<i>сикин</i> (стр. 431)	<i>чики</i> <i>чикэ</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих</i>	слух, ухо

Фонема *с'* — переднеязычный, щелевой, мягкий, глухой звук. От твердого коррелята фонема *с'* отличается дополнительной артикуляцией средней части языка.³ Мягкая фонема *с'* встречается большей частью в начале и в середине слова, то есть в тех позициях, где в результате перелома гласного звука и вместо *с'* образовался звук *ш* в бурятском и монгольском языках. Например: *көс'игу* (занавес), *с'илбарх'ии* || *ш'илбарх'ии* (содранный). В литературном бурятском языке нет мягкого звука *с'*.

Одной из характерных особенностей говора ононских хамниган является то, что в нем в большинстве случаев отсутствует перелом звука *и*. Роль *и* в этом говоре сводится к палатализации предшествующего ему согласного звука.

Во многих словах звук *и* после *с*, *й* и *с* > *ч*, *дж*, *с*, *м*, *н* и др. остался в прежнем виде: он. хамн. *с'ибар* (Алтан, Кыра, Тарбальджей, Ульхун-Партия, Курулга), *ш'игар* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шавар*, монг. *шавар*, даг. *шавар*, монг.-письм. *с'ибар* (глина); он. хамн. *с'инага* (Алтан, Кыра, Тарбальджей, Ульхун-Партия, Курулга), *ш'инага* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шанага*, монг. *шанаг*, монг.-письм. *sinaya* (ковш); он. хамн. *ситаху* (Алтан и др.), *шитаха* (Узон, Токчин, Гунуй), бур. *шатаха*, монг. *шатах*, монг.-письм. *sitaxu* (гореть, зажигать); он. хамн.

бичиг, бур. *бэшэг*, монг. *бичиг*, дагур. *biteg*, монг.-письм. *bicig* (письмо); он. хамн. *нилбусу*, бур. *нёлбоһон*, монг. *нулимс*, дагур. *номбос*, монг.-письм. *nilbusun* (слеза); он. хамн. *минга*, бур. *мянга*, монг. *мянга*, монг.-письм. *mingyan* (тысяча); он. хамн. *нидү*, бур. *нюдэн*, монг. *нүд*, дагур. *н'ид*. монг.-письм. *nidün* (глаз); он. хамн. *джиргал*, бур. жаргал, монг. *джаргал*, дагур. *шаргал*, монг.-письм. *jiryal* (радость, счастье); он. хамн. *сир'ии* || *шир'ии*, бур. *шорой*, монг. *шорой* (земля, пыль), монг.-письм. *sirui* || *siryua*.

В ононско-хамниганском говоре в словах, имеющих мягкорядные гласные, звук *и* сохранился в начальной позиции, тогда как в

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 403—405; Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. I. Изд-во АН СССР, М., 1953, стр. 19, 25—27.

² С. А. Козин. Сокровенное сказание. Том. I. М.-Л., 1941.

³ См.: И. Д. Буряев. Звуковой состав бурятского языка, стр. 83—84.

бурятском языке в результате перелома звук *и* уподобился звукам *э*, *у*, *ү*, а в монгольском — в словах с твердорядными гласными тот же процесс осложнен протетическим *ј*. Например: он. хамн. *ирги*, бур. *эрье* (берег; баран), монг. *эрэг*, монг.-письм. *ergi* (берег) и *irge* (баран); он. хамн. *инезкү* || *инезкэ*, бур. *энеэхэ*, монг. *инээх*, монг.-письм. *inege*-*(смеяться)*; он. хамн. *индзагу*, бур. *инзаган*, монг. *янзага*, монг.-письм. *inǰaya* (теленос козули).

Произношение начального гласного *и* сохранилось в дагурском наречии, дархатском говоре и в монголо-хамниганском диалекте¹.

Имеются слова, прошедшие полный перелом гласного *и*. Например: он. хамн. *дзургаа*, монг.-хамн. *дзургаа*, бур. *зургаан*, монг. *зургаа*, монг.-письм. *jiryūyan* (шесть); он. хамн. *дзагасу* || *дзагаса*, монг.-хамн. *dzagas*, бур. *загаһан*, монг. *загаса*, монг.-письм. *jīyasun* (рыба); он. хамн. *цөмөг*, бур. *сүмгэн*, монг. *чөмөг*, монг.-письм. *simūgen* (берцовая кость); он. хамн. *буруу*, монг.-хамн. *буруу*, бур. *буруун* монг. *бярүү*, монг.-письм. *birayun* (годовалый теленок).

Подтверждается вывод Г. Д. Санжеева о том, что «...процесс перелома этого гласного протекал далеко неравномерно даже в рамках одного и того же диалекта, в рамках его лексического состава»².

В ононско-хамниганском говоре произошло незначительное развитие согласного звука *с* || *с'* в связи с переломом гласного *и*, изменившего предыдущий согласный звук в звук *ш*. Стадия развития звука *с* старописьменного монгольского языка в бурятском языке показывает, что «...в наречии — предке современных бурятских говоров существовали звуки *ц*, *ш* и *һ*, из которых *ш* сохранился до нынешнего времени, а *һ* к моменту, когда *ц* начал развиваться в соответствующий спирант, уже успел развиться из *с*».

Если звукам *с* и *ј* старописьменного монгольского языка соответствуют звуки *с*, *ш* и *з*, *ж* бурятского языка, то в говоре ононских хамниган им соответствуют звуки *ц*, *ч* и *дз*, *дж*, которые полностью сходятся с современным монгольским языком и цонгольским говором³ бурятского языка. Из-за отсутствия перелома звука *і* произношение многих слов остается почти таким же, как и в старомонгольском языке. Например: он. хамн. *чир^аши*, монг.-письм. *cirai* (лицо); он. хамн. *сили* || *шилэ*, монг.-письм. *sili* (шея, затылок); он. хамн. *цэцэг*, монг.-письм. *ceseg* (цветок).

В речи носителей исследуемого говора вместо ожидаемого звука *ц* нередко произносится звук *ч*, а вместо звука *ч* — *ц*. Например: *чилөө* || *цүлөө* (свободное время, досуг), *цар* || *шар* (вол), *арчуул* || *арцуул* (тряпка), *өбчүү* || *өбцүү* (грудь).

Согласный звук *с* передается как звук *ч* или *ц*. Согласный же звук *ц* как позднейшее проявление употребляется вместо звука *с* перед всеми гласными за исключением звука *и*. Кроме того, звук *ц* появляется как результат одновременного развития перелома гласного звука *и*.

В исследуемом говоре в именах и глаголах гласные звуки *и*, *а*, *э*, *у*, *ү*, *о*, *ө* ясно произносятся в середине слова в неударных слогах после согласных звуков *б*, *л*, *м*, *р*, *т*, тогда как в бурятском языке они редуциро-

¹ См.: К. У. Көхалъми. Указ. соч., стр. 169; Л. Мишиг. Указ. соч., стр. 192.

² Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 106.

³ См.: Б. Х. Тодаева. Указ. соч., стр. 34; Ц. Б. Будаев. Цонгольский говор бурятского языка (автореферат), Л., Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 5.

вались. Например: он. хамн. *толог²иш*, бур. *толгой* (голова); он. хамн. *урикху* || *уриха*, бур. *урьха* (петля, силок); он. хамн. *дабасу* || *дабаса*; бур. *дабан* (соль); он. хамн. *элигү*, бур. *эльээн* (печень); он. хамн. *үбүдүг* || *өбөдөг*, бур. *үбдэг* (колено); он. хамн. *хулуганаа*, бур. *хулгана* (мышь); он. хамн. *эрэк²иш*, бур. *эрхы* (большой палец). Заслуживает внимания то, что эти гласные обозначались в старописьменном монгольском языке¹.

В середине и в конце слова после согласного, за которым раньше следовал звук *i* или двослог *iya*, вместо обычных долгих звуков *aa* и *oo* произносится долгий звук *ээ*: он. хамн. *хор'ээ* || *хорёо*, бур. *хорёо* || *хорой*, монг.-письм. *xoriya* (двор, изгородь); он. хамн. *ор'ээ* || *орёо*, бур. *орёо*, монг.-письм. *oriya*-(завязывать); он. хамн. *хур'ээ* || *хуряа*, бур. *хуряа*, монг.-письм. *xuriya*-(собирать).

Такая же особенность имеет место и в дагурском наречии, являясь результатом последовательного развития звука \bar{a} в $\bar{a} > \bar{e}$. Изменение звука *a* через *i* в *э* или *e* (метафония) произошло под влиянием соседнего звука, в данном случае — предшествующего палатализованного согласного звука, появившегося при исчезновении двослога *iya*.

В исследуемом говоре редко встречается эмфатический долгий гласный звук *oo* вместо долгого гласного звука *aa* бурятского языка. Например: *абоод* вм. бур. *абаад* (взяв); *дароо* вм. бур. *бараа* (задавил).

И. Д. Буряевым в цонгольском и сартульском говорах бурятского языка также установлено эмфатическое *oo* вместо долгого *aa*. Например: *тудоо* (попал), *цугтоо* (вместе).

Нам кажется, что здесь эмфатический долгий звук *oo* появляется в случаях, когда последний долгий гласный произносится с явным экспрессивным оттенком.

В речи узонцев слово *јаба*-(идти) и производные от него слова произносятся также с оканьем: *јобохо* (идти), *јобогон* (пешный), *јободжоохо* (будет ходить), *јободжоогоосон* (ходил). Возможно, что это явление привнесено западными монголами², часть которых вошла в этнический состав носителей говора. Встречаются также случаи, когда вместо звуков *a* и *y* произносится звук *o* как результат губного сингармонизма. Например: он. хамн. *ногосу* || *ногосо*, бур. *нугаһан* (утка); он. хамн. *олом*, бур. *улам* (подруга); он. хамн. *онгокху* || *онгохо*, бур. *ангаха* (выцветать, лить); он. хамн. *осол*, бур. *усал* (несчастье).

В изучаемом говоре при исчезновении двослогов *iya* и *iui* и появлении долгих гласных звуков *aa* и *yy* более часто, чем в бурятском языке, палатализуется предшествующий согласный звук. Например: он. хамн. *хар'аал*, бур. *хараал* (проклятие); он. хамн. *мушк'уу*, бур. *мушхуу* (с вьющимися волокнами — о древесине).

В результате отсутствия перелома звука *i* после заднеязычного, смычного, глухого звука *k*, соответствующего фонеме *x* бурятского языка, в хамниганском говоре произносится звук *и*, а в бурятском языке — *a*, *y*. Например: он. хамн. *кирга^kху* || *киргаха*, бур. *хяргаха* (стричь); он. хамн. *кисуур*, бур. *хюһуур* (скребница, скобель); он. хамн. *кируу*, бур. *хюруу* (иней); он. хамн. *хаскира^kху* || *хашкираха*, бур. *хашхарха* (кричать).

В именах и причастиях будущего времени, имеющих суффикс *-ха* (-хо, -хэ), конечным гласным звукам *a*, *o*, *э* бурятского языка соответствуют звуки *y* и *y*. Например: *үсү*, бур. *үһэн* (волосы); *дзагала^kху*, бур. *зохолхо* (зудиться, чесаться).

По-видимому, здесь почти без изменения сохранилось старое окончание слов, остающееся в именах после выпадения конечного согласного

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 149, 189, 190.

² См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 146.

звука *п*. Правда, у токчинцев, узонцев и гунайцев при произношении слов конечный гласный звук *у* или *ү* часто заменяется гласными звуками *а*, *о* или *э*.

Спорадически произносятся гласные звуки *у*, *ү* в середине и в конце слова там, где в бурятском языке звучат гласные звуки *а*, *о*, *э*. В данном случае хамниганский говор соответствует старописьменному монгольскому языку. Например: он. хамн. *нидургу* || *нидурга*, бур. *нюдарга*, монг.-письм. *nidurya* (кулак); он. хамн. *чидкүр*, бур. *шүдхэр*, монг.-письм. *cidkür* (чёрт, бес); он. хамн. *сиргүкху* || *ширгүкху*, бур. *шургаха*, монг.-письм. *siryuxu* (пролезть); он. хамн. *баатур*, бур. баатар, монг.-письм. *bayatur* (богатырь); он. хамн. *өндүр* || *өндөр*, бур. *үндэр*, монг.-письм. *өндür* (высокий).

Во многих хамниганских словах, как и в старописьменном монгольском языке, в конце слога и слова произносится звук *с*, тогда как в бурятском языке — звук *д*. Например: он. хамн. *бос-*, бур. *бод-*, монг.-письм. *bos-* (вставать); он. хамн. *гилагас* (гэхэ), бур. *ялагад* (гэхэ), монг.-письм. *gilaγas* (сверкнуть); он. хамн. *урусхуул*, бур. *урадхал* (проточный), монг.-письм. *urus-* (течь, литься).

Неустойчивый конечный звук *н* имен существительных, как и в монгольском языке¹, обычно не произносится. Например: он. хамн. *чилуу*, бур. *шулуун*, монг. *чулуу* (камень); он. хамн. *цасу* || *цаса*, бур. *сахан*, монг. *цас* (снег); он. хамн. *моду* || *модо*, бур. *модон*, монг. *мод* (дерево); он. хамн. *ногоо*, бур. *ногоон*, монг. *ногоо* (зелень); он. хамн. *арба*, бур. *арбан*, монг. *арба* (десять).

При падежных и других изменениях этот звук восстанавливается. Например: *усун тээрмэ* (водяная мельница); *модун* || *модон гэр* (деревянный дом); *алтанда* дат.-м. п. от слова *алта* (золото).

По закону аналогии слов, конечный звук *н* прибавляется даже к некоторым заимствованным словам из русского языка, не имеющим конечного согласного звука *н*, например: кино — *кинон'ши* (род. п.), *кинондо* (дат.-м. п.), *киноноосо* (исх. п.).

Нередко в середине и в конце слов сочетанию звуков бурятского языка *хи* в говоре хамниган соответствует сочетание *ти*. Например: он. хамн. *салти* || *салки*, бур. *халхин* (ветер); он. хамн. *талти* || *талки*, бур. *талхи* (кожемялка); он. хамн. *күнтинэжү*, бур. *хүнхинэхэ* (гудеть).

Так же как в старописьменном монгольском языке, в исследуемом говоре сочетание *ги* употребляется во всех позициях слова; в бурятском языке оно получило иное развитие и дало сочетание *ја* (*јэ, јо*). О развитии ранней морфемы *ги* и о переходе ее в *ји* и подробно говорится в работе Г. И. Рамстедта². Ср.: он. хамн. *гилагар*, бур. *ялагар* (блестящий, глянцевоый); он. хамн. *эргикү*, бур. *эръехэ* (кружиться, обходить вокруг); он. хамн. *царги харг'ши*, бур. *сарья харгы* (утоптанная, проторенная дорога); он. хамн. *хонончиги*, бур. *хононшье* (с ночлегом).

В исследуемом говоре личная частица *бидэ* || *бида* не потеряла значение самостоятельного слова и по своей форме остается местоимением. Нередко наблюдается чередование *би*, *бидэ* || *бида* с *ји*, *јида* || *јидэ*. Например: *Бидэ гадзаа баицигаа бидэ* или *бидэ гадзаа бицигаа јида* (Мы были на улице); *Түргэн гүшилдээ бидэ* или *түргэн гүшилдээ јидэ* (мы быстро мчались).

В исследуемом говоре лично-предикативные частицы *јида* и *ји* присоединяются к предыдущему слову и произносятся почти слитно с ним,

¹ Встречается много исключений, которые подробно описаны акад. Б. Я. Владимирцовым. См.: Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика..., стр. 351—358.

² См.: Г. И. Рамстедт. Введение в алтайское языкознание. Изд-во иностр. лит., М., 1957, стр. 153, 178.

образуя с конечным гласным предыдущего слова как бы двоеслог — гласный + *ju* (да): *бид^оиудэ* || *бидыдэ*, *бид^оиуд даа* || *бидыд даа* (мы-мы), *хонобо жуа* || *хонобожуа* || *хонобоиуда*, *хонобоиудо* || *хонобыдо* || *хонобыд даа* (мы заночевали).

В речи агинских бурят наблюдается переход звука *б* в *ј*. Например: вм. *трактористаб* говорят *трактористаји* || *тракторист^аии* || *трактористы* (я тракторист).

В данном случае, по-видимому, в результате сильной палатализации щелевой оттенком фонемы *б'* в положении после переднего *и* переходит в среднеязычный щелевой звук *ј*¹.

Заднеязычно-увулярный сонант сохраняется в середине слов перед носовым *н*, тогда как в бурятском языке он чередуется с заднеязычным *г* в той же позиции. Например: он. хамн. *магнал* (торго), бур. *магнал*, монг.-письм. *таггнуу* (род шелковой материи); он. хамн. *чи-г^накху* || *чинаха*, бур. *шагнаха*, монг.-письм. *cingna*- (слушать); он. хамн. *тэгнэку* || *тэгнэкэ*, бур. *тэгнэхэ*, монг.-письм. *tengne*- (вьючить); он. хамн. *аг^накху* || *агнаха*, бур. *агнаха*, монг.-письм. *angla*- (охотиться).

Нередко наблюдается появление сингармонических вариантов лично-предикативных частиц типа *-та* (*-то*, *-тэ*), *-тана*, (*-тэнэ*, *-тоно*), а также синтетических форм глаголов типа *баиид жаагаасан* (был), *јободжоокху* (будет ездить), *үнджиджээнэ* (проводит сутки) и др.

«Процесс ассимиляции некорневых корневым гласным несомненно протекал медленно и постепенно в зависимости от просодических и других средств данного языка или языкового подразделения. И естественно, не во всех языках данного типа он мог быть осуществлен в равной мере и степени. Ср. хотя бы монгольское *гэр руу* и *гэр рүү*, бур. *ожорхо* и *ожирхэ*, где закон ассимиляции действует не повсюду одинаково»². Поэтому появление сингармонических вариантов в говоре, нам кажется, вполне закономерным явлением.

В изучаемом говоре встречается двойное произношение слов, по-видимому, под влиянием бурятского языка. Например: *хуругу* || *хуруу* (палец); *ниругу* || *нируу* (хребет, спина); *үрэгү* || *үрүү* (подбородок); *дэгэл* || *дөөл* (шуба).

При сравнении с бурятским языком в хамниганском говоре можно обнаружить употребление в середине слова тех согласных, которые в данной позиции характерны письменному монгольскому, а не бурятскому языку³. Например: *с* || *д* — он. хамн. *дурсакху* || *дурсаха*, монг.-письм. *дурсаху*, бур. разг. *дурдаха* (вспоминать); он. хамн. *дэбискэр*, монг.-письм. *дэбискэр*, бур. разг. *дэбдихэр* (постель); *г* || *х* — он. хамн. *хагалкху* || *хагалха*, монг.-письм. *хагалха*, бур. разг. *хахалха* (пахать; рвать); *ц* || *л* — он. хамн. *дзаиццакху*, монг.-письм. *зайцаху*, бур. разг. *зайлаха* (отстраняться); *б* || *м* — он. хамн. *дзэбсэг*, монг.-письм. *зэбсэг*, бур. разг. *зэмсэг* (орудие, инструмент); он. хамн. *эбдэку*, монг.-письм. *эбдэку*, бур. разг. *эмдэхэ* (ломать, разламывать).

В хамниганском говоре в конце некоторых слов появляется эфатическая долгота вместо краткого гласного звука или дифтонга. Например: он. хамн. *тарагуун*, бур. *тарган* (жирный); он. хамн. *борбоцогоо*, бур. *борбоосгой* (шишки), он. хамн. *хулуганаа*, бур. *хулгана* (мышь).

¹ См.: В. М. Наделяев. Чтение знака *э* и этимология имени Тонькука. Тюркологические исследования. М.-Л., 1963, стр. 204.

² Т. А. Бертагаев. Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках. Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965, стр. 135.

³ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. О стилистической дифференциации лексики бурятского языка. «Вопросы литературного бурятского языка». Улан-Удэ, 1963, стр. 7.

Словарный состав говора ононских хамниган при сравнительном изучении с другими говорами бурятского языка показывает, что процесс развития языка хамниган проходил в какой-то степени локализованно, не в общем русле с другими бурятскими говорами. Поэтому одну из характерных черт его составляют специфические слова, не встречающиеся в других говорах бурятского языка. В одних случаях этимология их объясняется заимствованием из тунгусских или тюркских языков, в других — родственным отношением к старописьменному монгольскому и халха-монгольскому языкам, западно-халхаским говорам и, наконец, по-видимому, собственно хамниганским происхождением. Такие узкодialeктные слова чаще всего встречаются в алтанском подговоре, реже — в токчинском.

К заимствованиям из тунгусского языка в основном относятся слова, касающиеся поло-возрастного деления диких зверей. Например: он. хамн. *анам* (самец-лось или сохатый), ср. эвенк. *анам* (лось перед спариванием); урульг. хамн. *иргагта* (овод, слепень), ср. эвенк. *иргакта* (овод, слепень); он. хамн. *иргацаан* (годовалый лось), ср. эвенк. *иргицаан* (изюбр); он. хамн. *мутуу* (четырёхгодовалый изюбр), ср. эвенк. северо-байкальское *моты* (лось) и *муту* (четырёхгодовалый лось); он. хамн. *кхачихаан*, *нох^оии* (собака), ср. эвенк. барг. *качикаан* (щенок); он. хамн. *гар*, *гишуу* (сук, ветка), ср. эвенк. *гар* (сук, ветка сухая); урульг. хамн. *тааго*, ср. сол. *таага* (галка); он. хамн. *үтээ*, эвенк. *үтэн* (дитя).

К заимствованиям из тюркских языков могут быть отнесены слова *булдуруу* (песчаный бугор с лесом), *бэлтэрэг* (волчата), *кий* (навоз для подстилки), *арбай* (ячмень) и др.

В рассматриваемом нами говоре употребляются слова, встречающиеся в современном монгольском языке и в языке «Сокровенного сказания». К ним можно отнести: он. хамн. *эмэгээ*, *өмөгөө*, *өмбөө* (бабушка), ср. монг. *эмээ*, «Сокров. сказ.» *etegeen* (тоже); он. хамн. *дзур*, *боро гүрөөсү* (косуля), ср. монг. *дзур* (косуля-самка), «Сокров. сказ.» *jür* (серна); он. хамн. *халяар*, ср. монг. *халаяр*, «Сокров. сказ.» *qaliyarsun* (черемша, дикий чеснок); он. хамн. *умбаху*, *умбааху*, ср. монг. *умбах*, «Сокров. сказ.» *отбаху* (плавать, купаться); он. хамн. *анда*, *некер* (друг, товарищ), ср. монг. *анда*, *нөхөр*, «Сокров. сказ.» *anda* (друг); он. хамн. *уххукху*, ср. монг. *ухух*, «Сокров. сказ.» *ихихи* (копать).

У ононских хамниган и носителей западно-монгольской речи, то есть у ойратов, сартулов, урянхайцев, мекерчинов, хачинов, байтов, хотонов и др. бытуют, например, такие слова: он. хамн., зап.-халх. *иргэ-ку* || *иргэх* (парить — о коршуне); *түсүүр* (посох); *мурчиг^аии* (кривой); *дзугтаах*, *дзугтаах* (убегать); *гэлику* || *гэлих* (гнать); он. хамн. *үкэр огдо*, *оготонго*, зап.-халх. *үкэр огдо* (ласка); он. хамн., зап.-монг. *күрэнгэ*, вост.-монг. *хүхүүр*, агин. бур. *хүрэнгэ*, у стальной части бурят — *хаба* (жбан); он. хамн., зап.-монг. *олонцог* (подушка на седле).

В хамниганском говоре чаще всего употребляются те же слова, что и в монгольском языке; в других говорах бурятского языка встречаются иные соответствия. Например: он. хамн. *била*, монг. *пял*, бур. *табаг* (тарелка); он. хамн. *мэлж^эии*, монг. *мэлхэй*, бур. *баха* (лягушка); он. хамн. *гулдзаг^аии*, монг. *гулдзаг^аии*, бур. *һарюу* (кривой, косой); он. хамн. *гоочилкху*, монг. *гоочлох*, бур. *енгэлхэ* (дразнить, раздражать); он. хамн. *кивэс*, монг. *кивэс*, бур. *ковгор* (ковёр); он. хамн. *ноолуур*, монг. *ноолуур*, бур. *хөөвэр* (пух); он. хамн. *сүк^эийн синезсү*, монг. *шинээс*, бур. *шаантаг* (клин для топора); он. хамн. *сарису*, монг. *сарис*, бур. *хабшааһан* (ранты); он. хамн. *бог мал*, монг. *бог мал*, бур. *хони ямаан*

(овцы и козы); он. хамн. *цооджи*, монг. *цооджи*, бур. *суурга* (замок); он. хамн. *далан халису*, монг. *далан халису*, бур. *шүүр* (вид растения); он. хамн. *нөөлгэ* || *нэлгэ салаки*, монг. *нөөлэг салих*, бур. *хуй халхин* (вихристый ветер); он. хамн. *дзалтасу*, монг. *дзалтас*, бур. *зартагай* (длинная шепка); он. хамн. *күм ула*, монг. *хүм ула*, бур. *арһан ула* (кожаная подошва); он. хамн. *дзэнгэрээ*, *дуг^эии*, *цагариг*, монг. *дуг^эии*, *дзэнгэрээ*, бур. *сахариг*, *мөөр* (колесо); сн. хамн. *хууракху*, монг. *хуурах*, бур. *мэхэлхэ* (сбанивать); он. хамн. *ангаах^эии*, *ангаа*, монг. *ангаахай*, бур. *дальбараа* (цыпленок); он. хамн. *абдур*, монг. *авдар*, бур. *ханза* (сундук) и др.

В исследуемом говоре бытуют слова, образованные аффиксальным способом и являющиеся специфически диалектными. Приведем ряд примеров: *-аасу* — *балб^эясу* || *балб^ээсу* || *балби^эса* (завертка из кожи при валке войлока) от *балби-* (мять); *-уур* — *амадуур*, *тэбкэ* (деревянная крестовина — ручка для снятия чугуна с плиты), *гуишбуур* (совок, приспособленный для сбора агюд) от *гушба* (раскачиваться); *-уурга* — *унджуурга* (висеть); *-бчи* — *дүрөөбчи* (кижим, чепрак седла) от *дүрөө* (стремля); *-ангир* — *халангир* (разлив реки по лугам и протокам) от *халиха* (разливаться); *-гчи* — (*үкэр*) *саагчи* (подойник) от *саа-* (доить); *-гар* — *хуулагар гадзар* (открытое незащищенное место) от *хуулаха* (сдуть, срывать).

К этим словам можно отнести и некоторые заимствования из русского языка, не встречающиеся в других говорах бурятского языка. Например: *джоохо* (деготь), *чилдоон тогоо* (ведро, в котором варят еду), *куръээ* (маленький заливчик — курья), *сборчи* (обруч), *чибааг* (чебак-рыба), *шодоог* (седок на бегунце).

Лексический состав говора ошонских хамниган нельзя назвать единым для всех его подговоров. Нередко можно наблюдать коррелятивные слова внутри самого говора, особенно по опорным подговорам. Например: алт. подгов. *нандииг* || *нандикаан*, *тэрэлджи* и *дали* (У.-П.), токч. подгов. *тэрэлджи* (багульник); алт. подгов. *гэлику*, токч. подгов. *дзалаха*, *тууха* (гнать скот); алт. подгов. *цанцуг*, *самб^эчи*, токч. подгов. *самб^эчи* (челка у лошади); алт. подгов. *сира кхурамчи*, токч. подгов. *шира исиг^эии* (старый войлок); алт. подгов. *сэрмүүн гадзар*, токч. подгов. *күкэ дзүлгэ*, *цэбэр гадзар* (чистое место, зелен); алт. подгов. *матасу*, токч. подгов. *ооборчи* (обруч); алт. подгов. *иргикү*, токч. подгов. *илэкэ* (парить — о коршуне); алт. подгов. *үнэгү*, токч. подгов. *араата* (лисица).

Одной из характерных лексических особенностей данного говора и говора агинских бурят является сохранение в них слов, относящихся к названиям верблюдоводства и частей юрты.

Встречаются различия в названиях частей юрты: у хамниган старый войлок называется *сира курамчи* или *исиг^эии*, у агинцев — *шара һэеы*. В Западной Монголии, например, говорят *шар хурамш*, а волжские калмыки *шар*, *хуучин хурмаш*. Двухстворчатую дверь юрты ошонские хамниганы называют *хацабчи*, агинские буряты — *хаалга*, калмыки — *хацабчи* (войлочная дверь); короткая решетчатая стена юрты у ошонцев называется *дзуурабчи*, у агинцев — *хахад бозони хана*; сплетенная шерстяная веревочка, пришиваемая к краям войлочных стенок, у ошонцев называется *дзээг* или *хосилон*, у агинцев — *хошлон*. Другие названия частей войлочной юрты в основном совпадают, имея в некоторых случаях лишь фонетические различия.

Верблюдоводческие названия одинаковы как у ошонских хамниган, так и у агинцев: *ботого* (верблюжонок), *тором* (двухлетний верблюжонок), он. хамн. *тчилаг*, агин. бур. *тайлаг* (трехлетний верблюд); он. хамн. *ата*, агин. бур. *атан* (кастрированный верблюд); он. хамн.

инди, агин. бур. *энгин* (верблюдица); он. хамн. *дзогдор*, агин. бур. *зогдоэ* (верблюжья шерсть); он. хамн. *табаг²чи*, агин. бур. *табгай* (ступня, лапа верблюжья); он. хамн. *сэбэсү*, агин. бур. *нэбэн* (верблюжья отрыжка); он. хамн. *көөмөгчи*, агин. бур. *хөөмэгшэ* (верблюжья упряжь, сбруя); он. хамн. *хобтасу*, агин. бур. *хобтаһан* (седло для езды на верблюде); он. хамн. *бууилакху* || *бууилаха*, агин. бур. *буйлаха* (кричать, плакать—о верблюде) и др.

Лексика исследуемого говора богата также и охотничьей терминологией. Наряду со словами *үргөөл*, *күцөө* (облава) сохранилось старинное название облавной охоты *аба*. Раньше, по-видимому, бытовало сочетание *худариин хайдаг*¹ с тем же значением. У хамниган, видимо, до недавнего времени сохранялся охотничий колчан — *саадаг*. Рассказывают, что *лук* (нума) делался с отверстием посредине (*гуурса*), через которое воин пил воду, не слезая с коня. Стрелы (*годоли*) имели свистящие наконечники (*дэши*). На конец стрелы со свистящим наконечником вставлялся *дзэб* (железный или медный наконечник остроконечной ромбической формы). Облава совершалась по команде предводителя (*түбүүчин*). Об этом подробно писал П. С. Паллас, наблюдавший облавную охоту у ононских хамниган: «...Чтобы хорошенько осмотреть и самую страну и видеть, как здесь диких коз, дзеренами называемых, промышляют, я остался в Акшинской до 25 числа мая. Такой промысел мунгалы по-своему называют аблаха, а русские, взяв с того же и перевернув на свой образец, сделали «облава». Дальше им описываются орудия охоты: «...свистящие стрелы — по-русски свистуны, а по-мунгальски дзы и др.»²

Словарный состав говора ононских хамниган, касающийся названий родства, материальной культуры, животноводства и других разделов лексики, полностью сходится с таковыми бурятского и монгольского языков. Если бы материальная культура и хозяйство у них были заимствованы от бурят и монголов, то, по-видимому, от прежнего образа жизни и их хозяйства должны были бы остаться какие-то следы. Однако таких следов пока не обнаружено. «Этнический субстрат оставляет свой след не только в языке, но также и нередко в еще большей степени — в фольклоре, этнографии, материальной культуре, наконец, в физическом облике народа»³. Современная материальная культура ононских хамниган значительно обновилась под влиянием русской культуры и хозяйства, но наряду с этим в ней сохранилось и некоторое своеобразие. Вновь появившиеся предметы материальной культуры и хозяйства заимствуются вместе с русским названием. Однако названия вещей, заимствованные из русского языка, произносятся с незначительным изменением: *шифонезэр* (шифоньер), *буфезт* (буфет), *комоод* (комод), *арадио* (радио), *ардиоло*, *радио ю* (радиола), *сипараатар* (сепаратор), *остоол*, *стоол* (стол), *үстүүл* (стул), *юүмэ угаадаг машина* или *эстираальна машина* (стиральная машина), *легковой*, *күнгэн машина* (легковая машина)...; *пальтоо* (пальто), *костюум* (костюм), *пиджааг* (пиджак), *дэжээмпир* (джерпер), *вааленха* (валенки), *сапакил*, *сабакил* (сапоги), *батиньха* (ботинки)...; *амбаар* (амбар), *сар²ич* (сарай) и т. д.

У ононских хамниган сохранились названия предметов и вещей традиционной культуры и хозяйства; *абдур*, *хандза* (сундук), *үкэг* (ларь—

¹ Об этом сообщил нам Цыдыпов Данзан, 1889 года рождения, из рода Тугчин, Токчинского сельсовета Дульдургинского района Читинской области.

² П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Стр. 279—280. Наблюдение за охотой монголов П. С. Паллас проводил в районе села Нарасун, выше Акин.

³ В. И. Абаев. О языковом субстрате. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», № 9, М., 1956, стр. 69.

длинный ящик на ножках), *кхаширцаг* (деревянный ящик), *гутал'ич хаширцаг* (ящик для обуви), *бандаг* (низенький настил, служащий для сиденья или спанья), *таб'уур* (низенький, маленький стулик), *бортогэ* (деревянный подойник), *синага* || *ш'нага* (ковш), *башилгуур* (деревянная крынка — отстойник для молока), *ээдээгэшин шүүр* (решето, сплетенное из прутиков), *кисуур* (скобель), *олбог* (квадратный тюфяк для сиденья), *күнджилэ* (меховое одеяло), *тулам* (длинный кожаный мешок).

Термины родства у ононских хамниган в отличие от бурятских более близки к таковым старописьменного монгольского языка: он. хамн. *ашу*, *аба*, *эцэгэ*, бур. *аба*, *эсэгэ*, *баабай*, монг.-письм. *ecige*, *abai* (отец); он. хамн. *иджиш*, *эжү* || *экэ*. бур. *эжы*, *эхэ*, монг.-письм. *eke*, *ejei* (мать); он. хамн. *күбүүн*, бур. *хүбүүн*, монг.-письм. *kübüün* (сын); он. хамн. *ачи* (внук по сыну), бур. *аша*, монг.-письм. *aci* (внук); он. хамн. *дэээ*, бур. *зээ хүбүүн*, монг.-письм. *jige* (внук по дочери); он. хамн. *гучи*, бур. *гуша*, монг.-письм. *үсi* (правнук); он. хамн. *дүчи*, бур. *дүшэ* (прапра-внук); он. хамн. *гутаар* (прапраправнук); он. хамн. *бацаган*, *үкин*, бур. *басаган*, монг.-письм. *okin* (дочь); он. хамн. *үбэгөө*, *үмбөө*, бур. *хүгшэн аба*, монг.-письм. *ebügen* (дед, дедушка); он. хамн. *өмөгөө*, *эмэгээ*, *өмбөө*, бур. *хүгшэн эжы*, монг.-письм. *emegei* (бабушка); он. хамн. *бэригэн*, *абаг'иш*, бур. *абагай*, монг.-письм. *bergei*, *bergen* (жена старшего брата).

Животноводческие термины, употребительные у хамниган, соответствуют терминам животноводства, бытующим у бурят и монголов. В хамниганском говоре животноводческие термины сохранили некоторые фонетические особенности, характерные, надо полагать, более раннему периоду развития монгольских языков: он. хамн. *гунаджи*, монг.-письм. *yunajin* (трехлетняя телка); он. хамн. *дүнүджи*, монг.-письм. *dünüjin* (четырёхлетняя телка); он. хамн. *сидүлүн* || *шидүлүн*, монг.-письм. *sidülün* (двухлетняя коза); он. хамн. *цар* || *шар* (У.-П.), монг.-письм. *sar* (вол); он. хамн. *аджиргу* || *адзарга*, монг.-письм. *ajirga* (жеребец) и др.

Названия частей тела человека, употребительные в говоре ононских хамниган, совпадают с общемонгольскими. Например:

он. хамн.	бур.	монг.	монг.-письм.	значение
<i>нидү</i>	<i>нюдэн</i>	<i>нүд(эн)</i>	<i>nidün</i>	глаз
<i>чики</i> <i>чикэ</i>	<i>шэхэн</i>	<i>чих(эн)</i>	<i>çiki</i>	ухо
<i>джирэжү</i> <i>дзүрэжү</i>	<i>зүрхэн</i>	<i>зүрх</i>	<i>jiürken</i>	сердце
<i>уруул</i> <i>урул</i>	<i>урал</i>	<i>уруул</i>	<i>uruul</i>	губа
<i>сидү</i> <i>сидэ</i> <i>шидү</i>	<i>шүдэн</i>	<i>шүд(эн)</i>	<i>sidün</i>	зуб
<i>хулуки</i> <i>хулаки</i>	<i>хулха</i>	<i>хулхи</i>	<i>xulugi</i> <i>xuluüi</i>	сера (в ушах)
<i>өгөм</i> <i>эгэм</i>	<i>эм</i>	<i>эгэм</i>	<i>egem</i>	ключица
<i>алигу</i> <i>алига</i>	<i>альган</i>	<i>алаг</i>	<i>aligan</i>	ладонь

Названия одежды. Старая национальная одежда хамниган такая же, как и у бурят, и названия их тоже совпадают: он. хамн. *дзубцаан дөөл*, *нэк'иш дэгэл*, бур. *нэхэ дэгэл*, монг.-письм. *nekei degel* (шуба); он. хамн. *үнгү дөөл* || *дэгэл*, бур. *үнгэ дэгэл* (шуба, не покрытая материалом); он. хамн. *сомон* || *суман дөөл* || *дэгэл*, бур. *хомон дэгэл* (гладкая шуба, шуба без складок); он. хамн. *цөөд жи* || *цээд жи доторг'иш дөөл* || *дэгэл*, бур. *сээжэ дэгэл* (терлик с половинным подкладом, демисезонный халат); он. хамн. *тэрлиг*, бур. *тэрлиг*, монг. *тэрлэг* (терлик, летний халат); он. хамн. *малаг'иш*, бур. *малгай*, монг. *малгай*, монг.-письм.

тагауаи (шапка); он. хамн. *гутул* || *гутал*, бур. *гутал*, монг. *гутал* (обувь); он. хамн. *ууджи*, бур. *уужа* (безрукавка—часть женской одежды); он. хамн. *бөсө* || *бүсэ*, бур. *бүһэ*, монг. *бүс* (кушак); он. хамн. *туруу*, бур. *туруу*, монг. *нудраг* (обшлаг); он. хамн. *цуба*, бур. *суба*, монг. *цув* (дождевик); он. хамн. *дугт^аи*, бур. *дугты*, монг. *гутлын дугтуй* (меховые боты).

Названия блюд и продуктов питания у ононских хамниган не отличаются от бурятских. Так, например: он. хамн. *ээдзэг^эи*, бур. *ээзэгэй* (творог); он. хамн. *тараг*, бур. *тараг* (тарак, кефир); он. хамн. *үрмэ*, бур. *үрмэн* (пенка); он. хамн. *цүүцэг^эи*, бур. *сүсэги* (сметана); он. хамн. *дзөөх^эи*, бур. *зөөхэй* (сливки); он. хамн. *сүкэн* || *сүү*, бур. *һүн* (молоко); он. хамн. *цагаан тосу*, бур. *сагаан тоһон* (сливочное масло), он. хамн. *сира* || *шира тосу* | *тосо*, бур. *шара тоһон* (топленое масло); он. хамн. *кхирууд*, бур. *хурууд* (сушеная черемуха, иногда творог); он. хамн. *холицо* || *холицоо*, бур. *холисо* (смесь творога, сметаны, черемухи, сараны и др.); он. хамн. *худкадасу*, *иилгэдэсэ*, бур. *иилгэдэһэн* (пахта); он. хамн. *аарца*, бур. *аарса* (название молочного продукта, кушанье); он. хамн. *сирасу* (от сира+усу), *шира шүүсэ*, бур. *шара шүүһэн* (сыворожка); он. хамн. *ирээлджи*, бур. *эрээлжэ* (колбаса, приготовленная из внутренностей); он. хамн. *буудза*, бур. *бууза* (позы); он. хамн. *шарибин*, бур. *шарбин* (пирожки с мясом); он. хамн. *хоормог*, бур. *хоимог* (арца, смешанная с молоком); он. хамн. *бүкэлээр чинасан маха*, бур. *бүхэлээр шанаһан мяхан* (мясо, вареное кусками).

Названия рыб и орудия рыболовства. Река Онон издавна славилась разнообразием и богатством рыбы. Еще П. С. Паллас, пребывая на Ононе, отметил, что река богата рыбой. В ней водятся «...красноперок, конь, сазан, карны, сом, белуга, щуки, осетры, леньки, таймень, сомужек, а на Байкале их называют сигом, пескарь, карась»¹. Некоторые виды этих рыб в настоящее время стали редкими экземплярами (белуга, осетр). Любители-рыбаки ловят рыбу различными способами: неводом (*губчуур*), сетью (*сэгдкэ*), острогой (*сэрээ*), запрудом (*хаалта хааха*) — при полноводье, лучением (*гэрдэку*), крючком (*хахуули*), переметом (*перемет табиху*), бьют колотушкой (*модон мунцаар мунцадаха*) под льдом. Многие названия рыб в бурятском языке отсутствуют. Ср.: он. хамн. *улаан сүүл* (краснопер), в бур. языке этого названия нет; он. хамн. *чибааг* || *чубааг* (чебак), в бур. яз. — нет; он. хамн. *цурбалта*, *даланту*, в бур. яз. *сом*, *хобордой загаһан* (сом); он. хамн. *морин дзагасу* (рыба-конь амурский), в бур. яз. — нет; он. хамн. *гутаар*, в бур. яз. — *гутаар* (налим); он. хамн. *цурх^эи*, в бур. яз. — *сурхай* (щука); он. хамн. *мүргү* || *мүргэ*, в бур. яз. — *һалбарга загаһан* (сазан); он. хамн. *дзэбэгү* || *дзэбэгэ*, в бур. яз. — *зэбгэ* (ленок); он. хамн. *тула*, в бур. яз. — *тула* (таймень); он. хамн. *кэлтэгү* || *кэлтэгэ*, в бур. яз. — *хөөлэнтий* (карась); он. хамн. *хадаран*, в бур. яз. — *хадаран* (*харцус*); он. хамн. *джираах^эи*, в бур. яз. — *жараахай* (гальяны); он. хамн. *хабчикии*, в бур. яз. — *хабшаахай* (рак) и др.

Названия частей седла. У ононских хамниган имелось несколько видов седел: *талхи өмөөл* || *эмээл* (рабочее седло пастуха), *юр^эиин өмөөл* || *эмээл* (повседневное седло), *гог^лиин эмээл* (праздничное седло), *мүнгэн өмөөл*, *эмээл* (женское седло). Названия частей седла у них в основном одинаковы с бурятскими: он. хамн. *буургү* || *бүүргэ*, бур. *бүүргэ*, монг. *бүүрэг* (луки седла); он. хамн. *хабтасу* || *хабтаса*, бур. *хабтаһан* (боковые доски седла); он. хамн. *дүрөө*, бур. *дүрөө*, (стремя); он. хамн. *оүрөөг^эи сур*, бур. *дүрөөгэй һур* (ремень стремени); он. хамн. *гүлимэ*, *дүрөөбчи*, бур. *дүрөөбшиэ*, монг. *гүлэм*, *дэбюүр* (чепрак); он. хамн. *олонцог*, *маюуза*, бур. *маюуза*, монг. *маюуза*, зап.-монг.

¹ П. С. Паллас. Указ. соч., стр. 283.

олонцэг (подушка на седле); он. хамн. *дэбсү* || *дэбсэ, унд жуурга*, бур. *дэбнэ монг. дэвс, дабсюраг* (малый чепрак); он. хамн. *бүгүджи*, бур. *бүгжэ*, монг. *бүгэж* (железное украшение на луках); он. хамн. *баабур* || *баабар*, бур. *баабар*, монг. *баабар* (железное украшение на боковых досках вокруг торок); он. хамн. *гандзугу* || *гандзага*, бур. *ганзага*, монг. *ганзаг* (торока).

Названия диких зверей и птиц. Как указывалось выше, в этой части лексики встречается ряд заимствований из тунгусского языка. Однако большая часть названий сходится с соответствующими названиями бурятского языка. Например: он. хамн. *дзур*, бур. *боро гүрөөсү* || *гөрөөсэ*, бур. *гүрөөһэн* (косуля); он. хамн. *гура*, бур. *гуран* (самец косули); он. хамн. *хуур^аии* *дзур* || *хуур^аии*, бур. *хуурай* (самка косули); он. хамн. *индзага*, бур. *инзаган* (теленок); он. хамн. *дзоргол*, *соёондой* (двухлетняя косуля), окин. бур. *ноёолой* (трехлетняя косуля); он. хамн. *улаандай*, хор. бур. *улаандай* (трехлетняя косуля); он. хамн. *дзантаки*, бур. *зантах* (росомаха); он. хамн. *күрэнэ* || *күрнэ*, бур. *бүдүүн хүзүүн* (хорек); он. хамн. *дзумбараа*, бур. *үрхэ, зумари* (суслик); он. хамн. *булаг* || *булага*, бур. *булган* (соболь); он. хамн. *силүүсү*, бур. *шэлүүһэн* (рысь); он. хамн. *чину* || *чино*, бур. *шоно* (волк); он. хамн. *илээ*, бур. *элээ* (коршун); он. хамн. *ногосу* || *нугусу* || *нугуса*, бур. *нугаһан* (утка) и др.

О топонимике. Район распространения говора ононских хамниган расположен в тех исторических местах, где сохранились топонимы, упоминаемые в «Сокровенном сказании». Например: *Онон муэрэн* (река Онон), *Дэлюн болдог* (урочище, досл. Селезенка-бугор), *Экэ арал* (досл. Материнский остров) и др.

Топонимика края в основном состоит из вполне объяснимых по семантике слов. П. Б. Балданжапов правильно отмечает, что «...большинство топонимов обозначает физико-географические особенности местности¹». Приведем примеры: *Улаалдзагана* (досл. Красная смородина — падь), *Хабирга* (досл. Ребро или Бок — речка), *Хатан* (досл. Царевна — долина), *Харг^аиита* (досл. Дорожная — речка, падь), *Хамар* (досл. Нос — долина), *Хабчуу* (досл. Тесная — падь), *Кэлтэг^эии* (досл. Наклонный — полуостров), *Тарбальджи* (досл. Белоголовый орел — долина), *Тарбагат^аии* (досл. Тарбаганья долина), *Мангирта* (досл. Дикий лук — долина), *Мойлто* (падь, где растет черемуха) и др.

Многие названия состоят из словосочетаний, как, например: *Бүтүү сибэр* (досл. Густая чаща—долина); *Харг^аиитын ики* (досл. Начало дороги — гора); *Күкү алаг* (досл. Полосато-синяя — падь); *Икэ* || *экэ сибэр* (досл. Большая чаща — падь); *Нарасун харуул* (деревня Нарасун), В качестве дополнительных определений служат орографические понятия: *толгой* — гора (*Гол толго^оии* — досл. Главная гора), *хада* — гора (*Хусат^аийн хада* — досл. гора Хосатуя); *уула* — гора (*Баян уула* — досл. Богатая гора); *джилга* — овраг (*Мухар джилга* — досл. Овраг-тулик), *ама* — устье (*Эрдэнийн ама* — досл. устье Эрдыни); *күнд^иии* — падь (*Нарин күнд^иии* — досл. Узкая падь); *үндүр* — высокий, высота (*Обоон^оии үндүр* — Высота обона); *булан* — полуостров (*Уулзар^аии булан* — полуостров Улзар), *дабаа* — перевал, падь (*Хамар Дабаа* — досл. Нос-перевал); *гуу* — яр (*Ганг^аийн гуу* — досл. Яр ганги). Стороны направления и горизонта в словосочетаниях служат определением: *Дөөдэ Улхун* — дер. Верхний Ульхун, *Дунда Улхун* — дер. Ульхун-Партия, *Доодо Улхун* — дер. Нижний Ульхун (в «Сокровенном сказании» Ульхун — одинокая гора, холм); *Хойто хада* — гора на северной стороне Гуиуя. Гидрографические названия нередко бывают определениями сочетания:

¹ П. Б. Балданжапов. Заметки о топонимике Забайкалья. «Этнографический сб.», вып. 1, Улан-Удэ, Бурятское книжное издательство, 1960, стр. 92.

усу — вода (*Хара усу* — озеро); нуур — озеро (*Тан нуур* — озеро Тан); гол — река (*Хурулга^ашин гол* — речка Курулга); горикху — речка (*Улаачин горикху* — речка Улача).

Некоторые села и местности названы по наименованию отдельных родов. Например: Узон, Токчин, Гунуй.

Некоторые географические названия образованы при помощи аффиксов *-та* или *-т^ачи*: *Дабаа+та* (название горы Дабатуй), *Хуса+та* (название пади Хосутуй, имеющей березовую чащу), *Тарбага+т^ачи* (название пади Тарбагатай) и др. Очень редко встречаются топонимы, образованные от заимствованных слов. Например: *Яамата* — небольшая падь на территории Токчинского сельсовета. Это название образовано при помощи суффикса *-та* от слова *яама* (яма).

Слова, обозначающие географические названия края, имеют аффиксы, характерные для эвенкийского языка: *-нга* — *Халчеранга* (падь, рабочий поселок); *-хаан* — *Бальджихаан* (название местности), *Агуцухаан* (название речки, протекающей недалеко от дер. Алтан).

На р. Онон расположено село Акша. Это название агинские буряты произносят как *Огшоо*, а ононские хамниганы — *Акшеэ*. В солонском языке рыба называется *оксоо* || *оксоо*. По-видимому, название указанного выше села могло иметь связь с этим словом. Название реки и села Кыры также можно было бы связать со следующим словом.

В «Сокровенном сказании»¹ слово *керü* обозначало «бор за горой», в монг. яз. *керü* — «лес на северном склоне». В той местности, где расположена Кыра, все горы покрыты лесом с северной стороны, а солнечная сторона — гола и безлесна.

Г. М. Василевич пишет, что «...в лексике эвенкийского языка можно выделить древний пласт, общий для тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков. Этот пласт представлен древнейшими понятиями-словами, например: эвенк. *тала* (солонец в долине), маньч. *тала* (степь), монг. *тала* (степь, долина), тюркск. *тала* (степь, долина) и др.»² В этой связи заслуживает внимания то, что в исследуемом говоре наряду со словами *тала* (степь, долина) и *худ жир* (солонец) встречается и другое слово, приобретшее долготу гласного в первом слоге: *таала* со значением «солонец», *таалачи* — «падь» (досл. солончаковая).

Заметный след в топонимике Забайкалья оставил эвенкийский язык. С. П. Балдаев по этому поводу писал, что «...у бурят, орочен и эвенков еще сохранились многочисленные легенды и предания, связанные с местной топонимикой...: у орочен — легенды и предания, связанные с сопкой Сохондо, расположенной недалеко от г. Нерчинска, у эвенков — о Баунтовском озере и его окрестностях»³. У носителей эвенкийского (тунгусского) языка до сего времени хранятся легенды о древних поколениях их предков в Забайкалье.

О неологизмах. Ононско-хамниганский говор пополнился немалым количеством новых слов, отражающих те изменения, которые произошли в экономической и культурной жизни хамниган Забайкалья.

В отличие от других говоров бурятского языка, исследуемый говор мало подвергся влиянию бурятского литературного языка. Для него характерны специфические диалектальные образования неологизмов. Например: *сахар^ачи ширкэг*, *хог* (крошки сахара), *цамц^ачин дэмаг* (застежка-молния для рубашки), *дотор дэмуг*, *цуурга* (внутренний

¹ С. А. Козин. «Сокровенное сказание», стр. 526.

² Г. М. Василевич. Эвенкинско-русский словарь. Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, стр. 664.

³ С. П. Балдаев. Некоторые вопросы топонимики Восточной Сибири. Избранные, Улан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1961, стр. 170.

(замок), *үргэбчи* (коромысло), *эрджиинэн чарки* (галоши), *хонин^оиш машииндалга* (искусственное осеменение овец), *күкэ суу* (сепарированное молоко), *кэмэл кул* (протезная нога), *мал^аиш*, *үкэр^эиш талха* (комби-корм).

При изменившихся социальных условиях в ононско-хамниганском говоре ряд слов приобрело новое значение. Так, например, слово *ясу* || *яса* (кость) приобрело новое понятие — *ясатан* || *ясат^аиш* (нация), слово *сонин* (новость) — *сонин* (газета), *хан^аишн сонин* (стенная газета) и т. п.

М е т о н и м и я. В речи носителей исследуемого говора нередко встречаются слова, которыми заменяются другие, близкие по значению понятия. Например: *дзэд* (медь) и *дзэд* (копейка); *мүнгү* (серебро) и *мүнгү* (деньги); *күлэсү* || *күлэсэ* (пот) и *күлэсэ* (заработок); *модо* (дерево) и *модо* (километр).

О б о м о н и м а х. Омонимы в говоре образовывались постепенно, с течением времени. Об этом свидетельствуют следующие примеры: *цоолго* (прорубь и пробойник); *Мунца* (собственное имя человека; пестик, колотушка); *сума* (молния; пуля; стрела); *дэлү* (грива; нескошенная трава, оставшаяся под валками); *гуурса* (отверстие посредине лука в длину; птичье перо, перо ученическое).

О с и н о н и м а х. Одним из источников образования синонимических рядов в говоре наряду с сохранением исконных монгольских слов служит употребление бурятских слов. Например: он. хамн. *гэлик*, *дзалакху*, *туукху*, бур. *залаха*, тууха, монг. *гэлих*, *дзалах*, *туух* (гнать стадо); он. хамн. *үкхукху*, *малтаха*, бур. *малтаха*, монг. *ухух*, *малтах* (копать); он. хамн. *дзутаакху* || *дзугтаакху*, *тэргидэжү*, *оргокху*, бур. *тэрьедэхэ*, *оргохо*, монг. *оргох*, *зугтаах*, *дутаах*, *тэргидэх* (убегать); он. хамн. *үкин*, *күүкэн*, *бацаган*, бур. *басаган*, монг. *хүүхэн*, *охин* (девушка, девочка); он. хамн. *маргааши*, *үглөө*, бур. *үглөө*, зап.-бур. *маргааши*, монг. *маргааши* (завтра); он. хамн. *анда*, *нөкөр*, бур. *нүхэр*, монг. *анда*, *нөхөр* (товарищ).

Нередко синонимные ряды состоят из исконных бурятских и заимствованных слов. Например: он. хамн. *ширгү*, *тын*, *чистокоол*, бур. *шүргэз*, монг. *шивээ* (частокол, тын); он. хамн. *муура*, *миш*, *киискэ*, бур. *миш*, *хөөшхэ*, монг. *муур*, *мий* (кошка); он.-хамн. *боолто*, *матаасу*, *ооборчи*, бур. *боолто*, монг. *бүслүүр*, *цагариг*, *боолт* (обруч); он. хамн. *оосур*, *үдөөри*, *үшнүроог*, *уяа*, бур. *ооһор*, монг. *оосор*, *шижим*, *утас* (шнурок).

Приведем другие примеры синонимов: он. хамн. *сирасу* (от *сира*+*усу*), *сира шүүсү*, бур. *шара найб*, *шүүхэн*, монг. *шар ус* (сыворожка); он. хамн. *хачисун* || *хачирсу* (от слова «чешуя»), *дзэд* (*мүнгү*), бур. *хашарһан*, *зэд мүнгэн*, монг. *зоос*, *зэс* (монета); он. хамн. *цоилго*, *цэргү*, бур. *сэргэз*, монг. *морины уяан* (коновязь); он. хамн. *мэнэ сая*, *мүнөө сая*, *саб саяхан*, бур. *мэнэ һаяхан*, монг. *сав саяхан* (только что); он. хамн. *бөчи*, *чигибчи*, бур. *бүшэ*, *шэгэбшэ*, монг. *тасам* (тесьма к шапке), он. хамн. *төсөр*, *түсөөт^эиш*, *адали*, бур. *адли*, *түһөөтэй*, монг. *адил*, *цацуу*, *түсэр* (одинаковый).

З а и м с т в о в а н н ы е с л о в а. Русское население, проживающее в течение 300 лет по Онону вперемежку с хамниганами, оказало большое влияние на язык последних.

Это видно, в частности, из следующего: если термины сенокосения и бытовая лексика в бурятском языке состоят в основном из слов родного языка, то в исследуемом говоре — главным образом, из заимствований из русского языка. Только за последнее время под влиянием смежных по территории агинских бурят хамниганы (особенно узонцы, токчинцы и гунуйцы) наряду с заимствованными словами из русского языка начи-

нают усваивать бурятские слова, касающиеся сенокосения и бытовой лексики.

Термины по сенокосению: алт. подгов. *биила*, токч. подгов. *биила*, *аца*, бур. *аса* (вилы); алт. подгов. *гараабли*, токч. подгов. *гараабли*, *тармуур*, бур. *тармуур* (грабли); алт. и токч. подгов. *хомноо*, *бухал*, бур. *бухал* (копна); алт. подгов. *дзарууд* || *дзароод*, токч. подгов. *дзароод*, *сүр*, бур. *һүри* (зарод, скирд); алт. подгов. *дзароодчин*, *метайгаачин*, токч. подгов. *дзароодчин*, *сүрчин*, *сүр хаяачин*, бур. *һүришэн* (метчики зарода); алт. подгов. *копноочин*, токч. подгов. *хомноочин*, *бухал табяачин*, бур. *бухалишан* (копнильщики); алт. подгов. (Шум., Делюн) *метайку*, токч. подгов. *дзароод*, *сүр хаяха*, бур. *һүри хаяха* (метать зарод); алт. подгов. (Шум.) *версиикү*, токч. подгов. *дзароод* или *сүр нирюулха*, бур. *һүри нюриулха* (вершить зарод); алт. подгов. (Шум., Делюн) *подцапаэху*, токч. подгов. *хомноо* или *бухал оруулха* (подценить копну).

Примеры из бытовой лексики: он. хамн. *түпицэ*, бур. *мохоо һүхэ* (тупица; топор-колун); он. хамн. *хубардаа*, бур. *усхубардаа*, бур. диал. *яланцаг* (сковородка); он. хамн. *пилтаа*, бур. *плитаа*, *шэрэм* (плита); он. хамн. *бээниг*, бур. *шүүр*, *хамуур* (веник); он. хамн. *түрүүбкэ*, *ганса* || *гаанса*, бур. *гаһан*, *түрүүбхэ* (курительная трубка); он. хамн. *джилнюкэ*, *набчин тамаки*, бур. *набиһан тамхин* (зеленый листовой табак); он. хамн. *килөмэ* || *килэмэ*, бур. *хилэмэн*, *талхан* (печеный хлеб); он. хамн. *шаанги*, бур. *шаанји* (шанги); он. хамн. *пироог*, бур. *пироог* (пирог); он. хамн. *билнииг*, бур. *шараһан талхан* (блин); он. хамн. *лепөошхо*, бур. *ёпоошхо* (лепешка).

Термины охоты и рыболовства: он. хамн. *дорбовииг*, бур. *дорбииг* (дробовик); он. хамн. *гиилдэ*, бур. *гиилзэ* (гильзы); он. хамн. *пистоон*, бур. *пистоон* (пистон); он. хамн. *хартезчи*, бур. *хартезиэ* (картечь); он. хамн. *халиб* || *халыб*, бур. *халиб* (калибровка); он. хамн. *сеэть*, бур. *гүльмэ* (рыболовная сеть); он. хамн. *хурчаага*, бур. *харшаага*, редко *бортого* (корчага); он. хамн. *бирдаанха*, бур. *бирдаанха* (берданка).

Займствования из просторечных слов русского языка: он. хамн. *тоолкогүи*, бур. *тулхабаагүй* || *тоолхогүй* (бестолковый); он. хамн. *тулмаачигүи*, бур. *тулмаашагүй* (не знает русского языка); он. хамн. *тулмаачитчи*, бур. *тулмаашитай* (знает по-русски); *ишөө* (еще) и *бидаа* (беда). Слова *тоолхогүи* и *тулмаачигүи* часто употребляются с идентичным значением «бестолковый».

Значительное количество заимствованных слов обозначает термины земледелия и гужевого транспорта¹.

Ононские хамниганы, так же как и буряты, с давних пор занимались плотничьим ремеслом. По примеру русских они строили дома, надворные постройки и т. п. Поэтому многие названия построек и их частей, названия инструментов оказались заимствованными из русского языка. Например: *чирдаг* (чердак, этаж), *кэрэлцүи* (крыльцо), *холоодо* (колоды для окон и дверей), *потолоог*, ср. бур. *үһэй*, *потолоог* (потолок), *маатка* (верхняя и нижняя поперечная балка — матня), *бирстааг* (верстак), *чирпаас* (ватерпас), *дараанца* || *дарницца* || *драанка* (дранка), *тёос* || *хёос* (тес), *углуу*, *булан* (машин) и т. д.

С появлением машин, а также орудий заводского производства, с развитием науки и техники словарный состав исследуемого говора намного обогатился за счет заимствованных слов. Эти слова в языке хамни-

¹ См.: Ц. Б. Цыдендамбаев. Влияние русского языка на развитие бурятского. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 1, Улаан-Удэ, Бурятское книжное изд-во, 1959, стр. 100.

ган произносятся почти без изменения. Например: *молотшилха* (молотилка), *везелкэ* (веялка), *хашишилха* (сенокосилка), *сипараатар*, *сүн³ии машина* (сепаратор), *комбаајин* (комбайн), *траагтар* (трактор), *трактариист* (тракторист), *дзернопүүлтэ* (зернопулт), *дзерносүшиилкэ* (зерносушилка), *автовесы* (автовесы), *молоковоозко* (молоковозка) и т. д.

Много слов, заимствуемых из русского языка, относится к научно-технической терминологии, названиям государственных учреждений и должностей, к понятиям из горнодобывающей промышленности, к общественно-политической терминологии, к названиям культурно-просветительных учреждений и т. д.

В свою очередь язык русских, проживающих на Ононе, также обогатился заимствованиями из языка ононских хамниган. Помимо терминов животноводства, заимствованные слова из говора ононских хамниган встречаются в речи местных русских в следующих названиях: а) продуктов питания — *арца* (молочный продукт), *татамин* (блюдо из мозгов), *буклёр* (конина и другое вареное мясо), *уцен* (свеженина), *шуля* (бульон), *тарак* (кефир), *урма* (пенка); б) предметов материальной культуры — *бэркэл* (крышка котла для курения молочной водки), *джилабчи* (плоскодонный маленький котел), *куранга* (посуда-жбан), *тулум* (кожаный мешок), *туису* (туесок), *шердык* (стеганный тюфяк), *гуйба* (аркан), *барюлы* (специальные рукавицы для вытаскивания чугуна из печи), *утарина* (яма для дымления кожи); в) построек для содержания скота и мест стоянки — *угылджен* (зимник для скота), *буцан* (заброшенная стоянка); г) птиц и зверей — *боболдзо* (удод), *хойлог* (грач), *тарбаган* (тарбаган), *мундуленок* (тарбаганчик), *джумбура* (суслик), *гуран* (косуля-самец); д) рельеф местности — *булдуру* (песчаные бугры, на которых произрастают деревья), *бутан* (тарбаганьи бугры); е) растений — *шур* (трава для веника), *шуранджа* || *шаранджа* (трава для веника — польнь) и др.

В связи с проникновением многочисленных заимствований из русского языка в исследуемом говоре становится продуктивнее образование новых слов от заимствованных основ посредством оригинальных аффиксов. Особенно это относится к названиям новых профессий: *сеэялка + чин* — *сеэялкачин* (сеяльщик), *хашиилка + чин* — *хашиилкачин* (косильщик), *огороод + чин* — *огороодчин* (огородник) и т. д.

В ононско-хамниганском говоре наряду со словами, заимствованными из русского языка, бытуют и иноязычные слова, заимствованные из других восточных и тюркских языков. В работах академика Б. Я. Владимирцова и М. Н. Орловской¹ подробно рассмотрены и проанализированы слова, перешедшие в монгольский язык, которые характерны также для исследуемого говора.

С XVII в., с распространением буддизма, исследуемый говор заимствовал немало тибетских слов, относящихся, главным образом, к религиозным понятиям и именам людей, как например: *чибаганца* (старуха, давшая монашеский обет), *гэлэн* (монах), *Гэлэнмаа* (монахиня; собственное имя человека), *лама* (лама), *дуган* (храм, часовня), *бум* (сто тысяч), *Сэрээтэр* (Цыретор), *Бадзар-Джаб* (Базаржаб), *Идам* (Идам) и т. д.

Часть санскритских слов попала к монголам и бурятам, в том числе к ононским хамниганам, через тибетский язык². Примеры санскритских

¹ См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, Л., 1925; Его же. Турецкие элементы в монгольском языке. СПб., 1914; М. Н. Орловская. Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.

² См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, стр. 327; М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 49.

займствований: *багша* (учитель, название одного из родов), *шүлэг* (стих, стихотворение), *Гүргүм*, санскр. *kurkita*, *safran* (шафран; собственное имя человека), *Майдар* (собственное имя человека, название бога), *Аюши* (собственное имя человека, название бога) и др.

К заимствованиям из греческого языка, проникшим к монголам и бурятам через согдийско-уйгурское посредство¹, относятся следующие слова: *ном* (книга), *дэбтэр* (тетрадь, записная книжка), *шид жир* или *шиджир алта* (чистое золото) и др.

Через тибетский язык в исследуемый говор проникли также слова персидского происхождения²: *барас* (тигр), *бэрцэ* (ферзь), *булаг²иир* (юфть), *дари* (порох), *тогос* (павлин), *тоти* (попугай) и др.

В говоре онокских хамниган имеется много заимствований из китайского языка, проникших в него через торгово-экономические связи. К таким заимствованиям относятся следующие слова: *чүдүм* (спички), *ганса* || *гаанса* (курительная трубка), *чинүүр* (весы), *цонхо* (окно), *чийдэн* (лампа), *буудза* (позы), *бообо* (домашнее печенье), *маюудза* (подушка на седле), *янишаан* (китайская монета).

Помимо слов, общих для тюркских и монгольских языков, типа *тэмур* || *төмөр* (железо), *сакал* || *сахал* (борода), *кара* || *хара* (черный) и других, в исследуемом говоре, так же как и в бурятском языке, встречаются следующие заимствования³ из тюркских языков: *дзаха* (воротник; край, граница; берег), *джимэс* (плоды, фрукты), *таяг* (трость, палка, посох), *эмгэг* (болезнь, повреждение; печаль), *сураг* (слух, весть) и др.

В исследуемом говоре, так же как в монгольском и бурятском языках, сохранилось небольшое количество слов, заимствованных из арабского языка⁴. К ним относятся: *араки* (водка), *алмааз* (алмаз), *цува* (плащ, дождевик из грубого сукна).

С л о в о о б р а з о в а н и е. Большое место в обогащении словарного состава исследуемого говора занимает образование слов за счет внутренних ресурсов. При лексико-семантическом способе словообразования появляются слова со сходным или смежным значением.

С помощью метафоризации характерных признаков одного предмета образуются синонимичные слова. Так, например, слово *күл* (нога человека или животного) ассоциируется с другими предметами, служащими опорой для чего-нибудь: *чирг⁴иин күл* (стойки на полозьях саней), *стоол⁰иин күл* (ножки стола), *ад⁰иир⁰иин күл* (стойки или ножки помоста) и др. Аналогично понятию *бусу* (пояс, кушак) в исследуемом говоре получило название и словосочетание «вязка снопа» — *снооб⁰иин бусу*, а в токчинском подговоре — *снооб⁰иин уяа*. Понятие *гэр³иин ор⁰иин* (крыша юрты или дома) ассоциировано с названием *стоол⁰иин ор⁰иин* (крышка стола).

Слово *кэндээ* в животноводстве означает «молодняк позднего отела», в земледелии — «отава, то есть трава, появляющаяся поздней осенью после кошения»; *шиду* || *шүдэ* — «зубы человека или животного», в земледелии — «зубья бороны или грабель»; *дэлү* || *дэлэ* — «грива у лошади», в земледелии — «трава, оставленная под валками» и т. д.

Слова могут образовываться по сходству и смежности: а) цвета: *улаан бургаасу* (вид тальника, досл. красный тальник), *сира* | *шира сибуу* || *шибуу* (сова, досл. желтая птица), *көөрө алаг* (вид утки, досл. полосато-гнедая), *ногоон толог⁰иин* (селезень, досл. зеленая голова), *хара*

¹ См.: М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 49.

² См.: Б. Я. Владимирцов. *Mongolica*, т. I, Л., 1925, стр. 327—332.

³ См.: М. Н. Орловская. Указ. соч., стр. 47—48.

⁴ См.: Б. Я. Владимирцов. Арабские слова в монгольском языке. «Записки коллегии востоковедов», т. V, 1930, стр. 73.

гүрөөсү (медведь, досл. черная косуля), күкэ дэгэл²иш (цапля, досл. синяя шуба), улаан сүүл (краснопер, досл. красный хвост), көкө цэг-цэг²иш (трясогузка, досл. синяя непседа); б) формы: лам²иш толог²иш (вид растения с синей головкой, досл. ламская голова), тэмээн сүүл (вид растения, досл. хвост верблюда), кхуриган чики || чикэ (щавель, досл. ухо ягненка), манан цохур (землеройка, досл. туманно-слепая), морин дэагасу (рыба-конь — голова ее похожа на конскую), табан са-лаа (подорожник, досл. пять развилин), наран цэцэг (подсолнух, досл. солнечный цветок); в) производимого действия: нарин сира || шира (оса, досл. тонкая и желтая), чикэр үбэсү || үбэсэ (солодка уральская, досл. трава-сахар), сарисун эрбээк²иш (летучая мышь, досл. игривая бабочка), мэргэн дэгээ (гадюка, досл. меткий крюк); к этой категории слов можно отнести названия, не имеющие определения: халааха⁺иш (крапива) от слова халааха (обжигать); шибээк²иш (ковыль-волосатик, втыкающийся во что-нибудь), ноцоргоноо (репейник) от ноцохо (набрасываться на кого-нибудь). Редко можно услышать ироническое прозвище — модон хонхо (болтун, досл. деревянный колокол), которое дается болтливому человеку.

Нередко встречается перенос названий одних предметов на другие по сходству или аналогии их значений: онгоцо — «бот или лодка, служащие для перевозки людей или имущества через реку», а машин²иш онгоцо — «челнок швейной машины»; таха — «подкова у лошади», а гутал²иш таха — «подкова к сапогам или ботинкам»; хан²иш үдөөри — «шнур для крепления деревянных стенок юрты или кожаные заклепки в стенках», ботиинх²иш үдөөри — «шнурок ботинок»; цокикху — «колотить», а тар²ээ цокикху — «молотить хлеб»; кисукху — «скоблить», цахалаа кисукху — «брить бороду» и т. Д.

Носители говора в своей речи часто пользуются синекдохой. Например: шилгулкху — «получить ссадину», но хони шилгулкху — «резать барана на мясо»; хаичилкху — «стричь ножницами», но дэгэл хаичилкху — «скронть шубу».

Многие названия предметов образуются путем сочетания двух предметных имен или качественного и предметного имени. Например: гар кирөө (ножовка), гар хадуур (ручная коса), ябаган чиргу || чирга (санки), модон бишла (деревянные вилы), морин гараабли, редко тармуур (конные грабли), ябаган тэргэ (ручная тележка), морин тээрмэ (конная мельница).

Одним из способов обогащения словарного состава исследуемого говора является калькирование русских слов: маха || миша тушаалга (мяссдача), улаан ачаа (красный обоз), суман²иш зүблэл (сомонный совет), аджилта үдэр (трудодень). К полукалькамам относятся следующие словосочетания: квадратно-гнездовой тарилга (квадратно-гнездовой способ посева), тарья || тар²ээ сэбэрлэдэг машина (зерноочистительная машина), оёдол²иш машина (швейная машина).

Слова типа нэкэсүг || нэкэсэг (не так долго, ненадолго) от нэгэ (один) и кэсүг || кэсэг (часть, кусок) являются сложными, так как подобное сложное образование не только обладает грамматическими и фонетическими признаками слова, но по своему номинативному значению оно также эквивалентно имени существительному.

Сложное синтетическое сочетание типа хононоод жироор²ишт²иш — «приходите ночевать» (ср. бур. хонохоёо орожо ерээрэйгты) образовано с помощью словосложения и является грамматической формой глагольного словосочетания.

Приведем примеры именных и глагольных комплексов, включающих в свой состав различные формы частиц. Например: ал²уу (где?) из али⁺

уу; илүү (ясно ли?) из илэ+уу; чи ябаа чуу? (ты съездил?) из чи+уу?; та ябаа таг? (были ли вы?) из та+гу?; агаанаакхубида (вместе будем охотиться) из бидэ+агаанаакхубида.

В дархатском говоре монгольского языка, как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, наблюдается такое же явление. «Иногда к суффиксу *-хиима* (*-хииме*) наращивается частица *сан' ж'и* (< *aysan ajiyu* - бур. *хан' ж'е*) и образуется та же форма прошедшего времени лишь с наращением личных окончаний. (Примеры: *Хахиимасан' ж'иби* — «Я должен был закрыть»; *ябахиимасан' ж'ичи* — «Ты должен был идти»; *Сухиимасанжита* — «Вы должны были сидеть»; *Ухиимасан' ж'и* — «Он должен был пить»¹).

Парные слова говора ононских хамниган мало чем отличаются от парных слов бурятского языка. «Некоторые из таких пар, выражающих отвлеченные и обобщенные понятия, часто употребляются для выражения чего-то неопределенного, утерявшего свою определенность, точность и конкретность»², и «образуются посредством аналитического способа, при котором сочетающиеся компоненты парных слов являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими»³. Примеры: *моду чилуу* (строительный материал), *эрдэм бэлиг* (учение или знание), *кэлэ амаг'ии* (не знает языка), *сибар сибах* || *шибар шибха* (грязь), *урагси* || *урагши хоишииг'ии болоо* (раз навсегда перестал), *икэ багаг'ии* (от мала до велика, то есть все), *ницүгү чиблагаар гадзаа буу гара* (не выходи на улицу раздетый), *сиду амаг'ии* (беззубый), *тэнкээ тамирг'ии* (ослаб; слабый), *ябага ницүгөөр ирөөби* (кое-как я добрался; добрался где пешком, где как мог).

А. А. Дарбеева отмечает, что парные слова представляют легкодоступную форму словообразования для носителей языка⁴. Поэтому-то одно и то же понятие можно передать множеством вариантов, оперируя при этом несколькими словами. Некоторые из этих сочетаний слов встречаются только в парном виде. Так, например, понятие «кое-как» можно выразить следующими парными словами: *ёо чим'ии*, *ар'ии ёо*, *ар'ии чим'ии*, *ар'ии хур'ии*, *ар'ии ар'ив*; слово «престарелые» — *тулки талки*, *тулюур тулага*, *ялки талки*, *муу сайн*, *түрки тарки*; «сумерки» — *бүрэг бараг*, *боро хараан*, *хараа бараан*; «копейка» — *дээд цад*, *хачирсу мачирсу* и т. д.

Итак, лексика говора ононских хамниган отражает этапы развития и обогащения их речи посредством различных способов: в ней сохранились следы старописьменного монгольского языка, она также свидетельствует о контактировании носителей говора с представителями носителей других языков.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

В говоре ононских хамниган имеются в основном те же грамматические категории, что и в бурятском языке.

Имя существительное

Категория числа. Из формантов множественного числа в исследуемом говоре употребляются: *-д*, *-ууд* (*-үүд*), *-нууд* (*-нүүд*), *-нар*,

¹ Г. Д. Санжеев. Дархатский говор и фольклор. Л., Изд-во АН СССР, 1931, стр. 29.

² Т. А. Бертагаев. Лексика монгольских языков (рукопись). М., 1947, стр. 660.

³ У.-Ж. Ш. Дондуков. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке. «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963, стр. 31.

⁴ См.: А. А. Дарбеева. К вопросу о парных словах в бурятском языке. «Вопросы литературного бурятского языка», Улан-Удэ, 1963, стр. 23.

-*чуул* (-*чүүл*), -*чууд* (-*чүүс*¹), -*гад* (-*нэд*), -*ээд*, -*аачин*, -*тэн*. Присоединение того или иного форманта к существительным «регулируется характером конечных звуков основ единственного числа соответствующих имен»¹. Однако это правило в говоре ононских хамниган порою нарушается. Например, формант -*д* является самым распространенным. Он прибавляется к основам имен, имеющим конечный неустойчивый звук -*н*, краткий или долгий гласный, редко согласные и дифтонги: *чилуу* — *чилууд* (камни), *мог^оши* — *мог^ошид* (змеи); *горикху* — *горикход* (речки), *үкэр* — *үкэд* (коровы). Аффиксы -*чуул* (-*чүүл*) и -*чууд* (-*чүүд*) употребляются с именами существительными, обозначающими людей в собирательном их значении. Иногда вместо аффикса -*чуул* (-*чүүл*) может употребляться формант -*цуул* (-*цүүл*). Здесь замена звука *ч*, по-видимому, представляет собой результат дальнейшего развития согласного *ч* перед гласными, кроме *i*. Формант множественного числа -*чууд* образовался «в результате коптаминации суффиксов -*чуул* и -*д*»². Например, слово *бага* (малый) во множественном числе может употребляться во всех трех формах — *багаццуул*, *багаццуул* и *багаццууд* (дети); *эрэ* (мужчина) — *эрэчүүл*, *эрэцүүл* и *эрэчүүд* (мужчины); *залуу* (молодой) — *дзалуучуул*, *дзалууцуул* и *дзалуучууд* (молодежь).

Известно, что одно и то же имя может принимать различные аффиксы множественного числа: *багши* (учитель) — мн. ч. *багшинар*, *багшинууд*, *багшинад* (учителя), *бэри* (невестка) — мн. ч. *бэринэр*, *бэрээд*, *бэрээсүүд* (невестки).

Употребление удвоенных суффиксов множественного числа сопровождается чередованием звуков *д* и *с*. Например: *бүргэд* (орел) + *-үүд* = *бүргэсүүд* (орлы); *дзүг^эши* (пчела) + *-д* + *-үүд* = *дзүг^эшисүүд* (пчелы) — род. п. *дзүг^эшисүүс^эши* (пчел); *модо* (дерево) + *-д* + *-ууд* = *модосууд* (деревья) — род. п. *модосуус^эши* (деревьев); *нагаца* (дядя) + *-нар* + *-нууд* = *нагацанарнууд* (дяди) — род. п. *нагацанарнуус^эши* (дядей); *малчин* (пастух) + *-гууд* = *малчингууд* (пастухи) — род. п. *малчингуус^эши* (пастухов).

Встречаются и такие случаи образования множественного числа, когда к имени с показателем множественного числа -*чин* наращиваются показатели -*д* и -*ууд*, то есть образовывается тройная форма множественного числа. Например: *аркинчин* (пьяница, пьяницы) + *-д* = *аркинчид* + *-ууд* = *аркинчисууд* (пьяницы); *адуучин* (табунщик, табунщики) + *-д* = *адуучид* + *-ууд* = *адуучисууд* (табунщики); *тугалчин* (телятник, телятники) + *-д* = *тугалчид* + *-ууд* = *тугалчисууд* (телятники).

Склонение существительных. Форма именительного падежа не всегда совпадает с полной основой имен, так как, кроме них, имеются имена с усеченной основой. К усеченной основе относятся слова с выпадающим конечным согласным звуком *н*. В современном монгольском языке «полная основа имени является базой для образования родительного, дательного-местного и исходного падежей, тогда как от усеченной основы образуются формы остальных падежей — винительного, орудного и совместного»³. Это же самое имеет место в говоре ононских хамниган.

Родительный падеж. Характерной особенностью некоторых имен является то, что при их склонении, начиная с родительного падежа, восстанавливается конечный неустойчивый звук *н*. Более того, по аналогии с этим, звук *н* появляется в словах, не имеющих его, и даже в заимствованных словах.

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. 1, стр. 127.

² Там же, стр. 132.

³ Г. Д. Санжеев. Современный монгольский язык, стр. 54.

Родительный падеж имеет несколько аффиксов:

аффикс *-^аии* (*-^аии*, *-^аии*) присоединяется к основам слов, оканчивающимся на согласный звук: *гадзар* (земля) — *гадзар^аии* (земли), *театр* — *театр^аии* (театра), *олом* (подпруга) — *олом^оии* (подпруги), *орос* (русский) — *орос^оии* (русского);

аффикс *-н^аии* (*-н^аии* *-н^аии*) — к основам, оканчивающимся на краткие и долгие гласные звуки, а в заимствованных словах — на ударные гласные, кроме звука *и*: *сара* (луна) — *саран^аии* (луны), *киноо* (кино) — *киноон^оии* (кино), *луу* (дракон) — *луун^аии* (дракона), *мунца* (колотушка) — *мунца-н^аии* (колотушки), *чирга* (сани) — *чиргэн^аии* (саней) и др. Под влиянием бурятского языка эти слова иногда принимают окончание типа *-^аиин*: *сара* (луна) — *сар^аиин туяа* (свет луны), *мунца* (колотушка) — *мунца-^аиин иши* (ручка колотушки), *чирга* (сани) — *чирг^аиин үрүү* (полозья саней), *машина* (машина) — *машин^аиин* (машины);

аффикс *-г^аии* (*-г^аии*, *-г^аии*) — к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *г*. Например: *аг*, (зверь) — *а г^аии арасу* (шкура зверя), *сэг*, (лампа) — *дэгг^аии гол* (фитиль лампы), однако могут сказать и *аг^аии арасу*, *дэг^аии гол* и т. д.;

аффикс *-н* — к основам, оканчивающимся на дифтонги: *дал^аии* (*моге*) — *бал^аиин* (моря), *эрэбээк^иии* (бабочка) — *эрэбээк^иин* (бабочки), *сир^оии* || *шир^оии* (мусор) — *сир^оиин* || *шир^оиин* (мусора);

аффикс *-иин* — к основам, оканчивающимся на гласный звук *и*: *тэнгэри* (небо) — *тэнгэрин дуу* (гром неба,) *сүүд жи* (таз) — *сүүд жиин ясу* (тазобедренная кость), но *тамаки* (табак) — *тамакин^аии* || *тамакин* *утаа* (дым табака).

Д а т е л ь н о - м е с т н ы й п а д е ж имеет два форманта: *-да* (*-до*, *-дө*, *-дэ*) и *-та* (*-то*, *-тө*, *-тэ*). Приведем примеры употребления суффикса *-да* дат.-мест. п.: *цаха* (столб) — *цаханда* (на столбе, на опоре), *дүрөө* (стремя) — *дүрөөндө* (на стремени), *машина* — *машинанда* (на машине), *пальто* — *пальтондо* (на пальто), *ах^аии* (брат) — *ах^аида* (брату), *ах^аида* (к семье брата).

Аффикс *-та* (*-то*, *-тө*, *-тэ*) принимается основами, оканчивающимися на согласные звуки *б*, *г*, *д*, *р*, *с*, *т*. Примеры: *Митэб* (Митып — собствен. имя) — *Митэбтэ* (Митыпу), *дунгар* (ракушка) — *дунгарта* (ракушке), *тогос* (павлин) — *тогосто* (павлину).

В и н и т е л ь н ы й п а д е ж. Аффикс *-^аииги* употребляется после кратких гласных звуков в твердорядных словах, аффикс *-ииги* — в мягкорядных словах как после гласных звуков, так и согласных, включая звук *н*. Нередко встречаются безаффиксальная и усеченная формы. Аффикс *-^аии* является усеченной формой аффикса *-^аииги* и присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие гласные и согласные звуки перед лично-предикативными аффиксами. Например: *цонхо* (окно) — *цонх^оиишимини* (мои окна), *өбчин* (болезнь) — *өбчинииги*, *өбчини* (болезнь), *гишкүүр* (лестница) — *гишкүүрииги*, *гишкүүри*, *гишкүүр* (лестницу).

В отличие от бурятского языка в говоре олонских хамниган имеется суффикс *-и*, который прибавляется к основам, оканчивающимся на заднеязычный согласный звук *г*: *гаг*, (трещина) — *гаги* || *гаг*, (трещину, щель), *дэг*, (лампа) — *дэги* || *дэг*, (лампу), а также *ноход* (собаки) — *нохоши* (собак), *нөхөд* (друзья) — *нөхөши* (друзей).

Аффикс *-ги* присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонги, долгие гласные звуки: *дуг^уии* (мостик) — *дуг^уииги* (мостик), *тулбуу* (маленький таймень) — *тулбууги* || *тулбуу* (маленького тайменя), *цөлөө* (досуг) — *цөлөөги* || *цөлөө* (досуг) и др.

Местоимения *нам* и *чим* || *чам* могут принимать как полную, так и

усеченную форму: *нам^аииги* || *нам^аии* (меня), *чим^аииги* || *чам^аииги* || *чим^а-ии* || *чам^аи* (тебя).

Аффиксы винительного падежа *-ииги*, *-и*, *-ги* встречаются в дербетском говоре калмыцкого языка¹.

О р у д н ы й п а д е ж. Аффикс *-аар* (*-ээр*, *-оор*, *-өөр*) присоединяется к основам, оканчивающимся на краткие гласные (в том числе и на *и*) и согласные звуки: *сөкө* || *сүкэ* (топор) — *сүкөөр* || *сөкөөр* (топором), *урга* (аркан) — *ургаар* (арканом), *дали* (крыло) — *даляар* (крылом), *тохом* (потник) — *тохомоор* (потником), *хуур* (хур) — *хуураар* (хуром).

Аффикс *-гаар* (*-гээр*, *-гоор*, *-гөөр*) произносится после основ, оканчивающихся на долгие гласные звуки, дифтонги и заднеязычный согласный звук *γ*. Например: *цөлөө* || *цүлөө* (свободное время) — *цөлөөгөөр* || *цүлөөгөөр* (свободным временем), *оготоноо* (ласка) — *оготоноогоор* (лаской).

С о в м е с т н ы й п а д е ж имеет аффикс *-т^ии* (*-т^ии*, *-т^ии*), присоединяющийся ко всем основам. Например, *дөөл* || *дэгэл* (шуба) — *дөөлт^ии* || *дэгэлт^ии* (с шубой), *мөндөли* (тарбаганчнк) — *мөндөлит^ии* (с тарбаганчиком), *гориги* (пряжка) — *горигит^ии* (с пряжкой).

И с х о д н ы й п а д е ж. Аффиксы *-ааса* (*-ээсэ*, *-оосо*, *-өөсө*) и *-яаса* (*-ээсэ*, *-осо*) присоединяются к основам, оканчивающимся на согласные и краткие гласные звуки: *эгэчи* (сестра) — *эгэчээсэ* (от сестры), *сургуули* (школа) — *сургууляаса* и *сургууличааса* (со школы), *руль* (*руль*) — *рулезэ* и *рульнээсэ* (от руля, из руля), *пэчи* (печь) — *пэчээсэ* || *пэчинээсэ* (от печи), *хортообхо* (картофель) — *хортообхоосо* || *хортообхоноосо* (от картофеля), *пулаад* (платок) — *пулаасааса* (от платка) и др.

При прибавлении аффикса исх. п. *-ааса* восстанавливается неустойчивый согласный звук *н* в конце основы слов. Иногда по аналогии он появляется даже в словах, не имевших конечного звука *н*, образуя аффикс *-нааса* (*-нээсэ*), что показано выше на примерах. По этой же причине вместо аффикса *-гааса* (*-гоосо*, *-гөөсө*, *-гээсэ*), присоединяющегося к основам, оканчивающимся на заднеязычный звук *γ*, дифтонги и долгие гласные звуки, спорадически может иметь место аффикс *-нааса* (*-ноосо*, *-нөөсө*, *-нээсэ*). Например: *шибууγ* *дэγ* (свеча) — *дэγээсэ* || *дэγгээсэ* (от свечи), *туул^аи* (заяц) — *туул^аиигааса* || *туул^аиинааса* *биши* (от зайца, кроме зайца), *цабуу* (клей) — *цабуугааса* || *цабуунааса* (из клея, кроме клея), *кирээ* (ворон) — *кирээгээсэ* || *кирээнээсэ* (от ворона, кроме ворона).

Аффиксы исходного падежа хамниганского говора совпадают с аффиксами того же падежа дербетского говора калмыцкого языка².

В говоре урульгинских хамниган имена в исходном падеже принимают окончание *-ааһа* (*-ээһэ*), что также близко к окончанию исходного падежа дербетского говора и окончанию исходного падежа *-ааһа* (*-ээһэ*) баргу-бурятского и нижеудинского говоров бурятского языка³.

Кроме приведенных выше падежей, в монгольских языках имеются и другие падежные формы с ограниченным распространением, образуемые от основ определенной группы слов⁴.

Н а п р а в и т е л ь н ы й п а д е ж указывает на место, направление движения лица или предмета и обычно отвечает на вопрос *хаашаа?* (куда? в каком направлении?).

Направительный падеж имеет окончание *-руу*, представляющее собой усеченную форму послелого *уруу* (к, вниз по...). Окончание *-руу* часто прибавляется к имени после усечения окончания винительного падежа:

¹ См.: А. Ш. Кичиков. Дербетский говор. Элиста, Калмгосиздат, 1963, стр. 35.

² См.: А. Ш. Кичиков. Указ. соч., стр. 39.

³ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 169; Аларский говор бурятского языка. Ч. I, Л., 1930, стр. 82.

⁴ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 175.

хада (гора) — *хад^аируу* (вниз по горе), *джилга* (овраг) — *джилг^аируу* (вниз по оврагу), *добо* (бугор) — *доб^оируу* (вниз по бугру). Это окончание также прибавляется к именам, оканчивающимся на долгие гласные звуки и дифтонги. Например: *модоруу*, *ойруу* (к лесу), *дөөлруу* (к шубе), *чимаруу* (к тебе), *тэргэруу* (к телеге).

При сочетании послелога *уруу* с именем в последнем восстанавливается или появляется неустойчивый звук *н*. Например: *түлээн уруу* (к дровам), *джилган уруу* (в направлении оврага), *добон уруу* (в направлении бугра).

Предельный падеж имеет окончание *-цаа* (*-цоо*, *-цөө*, *-цээ*). Например: *суга* (подмышка) — *сугацаа* (до подмышек), *өбдөг* (колени) — *өбдөгцөө* (по колени).

Встречается неопределенно-местный (или расширенно-местный) падеж с формативами *-уур* (*-үүр*), *-гуур* (*-гүүр*). Например: *ман^аи ирдуур* (перед нами), *ногоон цоогуур* (по траве). Вместо употребительного в бурятском языке слова *тээгүүр* в хамниганском говоре встречается *таагуур* (по стороне): *зүүн таагуур* (по левой стороне), *баруун таагуур* (по правой стороне).

Парадигма простого склонения имен существительных.

Им. п. *киноо* (кино), *бэри* (невестка), *ах^ои* (брат)

род. п. *киноон^ои* (кино), *бэрийн* (невестки), *ах^оийн* (брата)

дат.-м. п. *киноондо* (кино), *бэридэ* (невестке), *ах^оида* (брату)

вин. п. *кинооги* || *киноо* (кино), *бэрийги* || *бэри* (невестку), *ах^оийги* (брата)

ор. п. *киноогор* (кино), *бэр'ээр* (невесткой), *ах^оишаар* (братом)

совм. п. *киноот^ои* (кино), *бэрит^си* (с невесткой), *ах^оишт^ои* (с братом)

исх. п. *кинооноосо* (кино), *бэрэзэсэ* (от невестки), *ах^оишааса* (от брата).

Двойное склонение. Слитно могут употребляться окончания:

1) родительного и дательного-местного падежей. Например, имя *дзүүгээрхин* (соседи, живущие по левую сторону), имеющее окончание орудного падежа и суффикс собирательности *-хин*, может принять окончания родительного и дательного-местного падежей — *дзүүгээрхин'шидэ* (у соседа с левой стороны);

2) дательного-местного и исходного падежей. Например: *гэр-тэ-зэсэ—гэртээсэ* (из дома);

3) винительного и направительного падежей. Суффикс направительного падежа *-руу* присоединяется к усеченной форме винительного падежа имени: *хад^аируу* (вниз по горе), *горих^оируу* (вниз по ручью);

4) совместного и винительного падежей. Например: *Сонинт^оииг^оиини хараад абаар^ои*. (Купи газету, где больше новостей);

5) совместного и дательного-местного падежей. Например: *усут^оиидани гарчи чидааг^ии би* (из-за воды не смог перейти), *дэнт^оиидэни аишага би* (побоялся из-за освещенности);

6) совместного и орудного падежей. Например: *наमत^оишаар* (вместе со мной), *килөөмэт^сиигөөр* (с хлебом);

7) родительного и орудного падежей. Например: *амбаарчин-^ои-ки+аар* — *амбаарчин^оик'аар* (у семьи кладовщика).

Лично-притяжательное склонение. При лично-притяжательном склонении имен местоимения в родительном падеже превращаются в частицы: *мини* — в *мини*, редко в *м*; *чинии* — в *чини*, *ман^ои* — в *мана*, *тан^ои* — в *тана*. Особенностью хамниганского говора является то, что лично-притяжательные частицы *мана* и *тана* во множественном числе имеют свои сингармонические варианты в зависимости от вокализма имени.

Примеры для 1-го лица: *буу* (винтовка) — *буумини*, редко *буум* (моя винтовка), *буумана* (наши винтовки); *цоолго* (прорубь) — *цоолгомини* (моя прорубь), *цоолгомону* (наши проруби); *тэргэ* (телега) — *тэргэмини* (моя телега), *тэргэмэнэ* (наши телеги) и т. д. Примеры для 2-го лица: *сил* (стекло) — *силчини* (твое стекло), *силтэнэ* (ваше стекло); *цонхо* (окно) — *цонхочини* (твое окно), *цонхотону* (ваше окно). Примеры для 3-го лица обоих чисел: *дэг* (лампа) — *дэгни* (его или их лампа), *абагачини* (жена его или жена старшего брата).

Указанные частицы личного притяжания присоединяются к именам во всех косвенных падежах. В хамниганском говоре они по своим формам и характеру употребления больше подходят на частицы старописьменного монгольского языка. Как отмечает проф. Г. Д. Санжеев, в старописьменном монгольском языке мы имеем «...не частицы личного притяжания, а сохранившуюся постпозицию личнос-местоименных определений»¹.

Парадигма лично-притяжательного склонения
Им. п. *чики мини* (мое ухо), *чикинүүд мэнэ* (наши уши)
род. п. *чикинэи мини* (моего уха), *чикинүүсэи мэнэ* (наших ушей)
дат.-м. п. *чикиндэ мини* (моему уху), *чикинүүдтэ мэнэ* (нашим ушам)
вин. п. *чикшиги мини* (мое ухо), *чикинүүсэишиги мэнэ* (наши уши)
ор. п. *чикезэр мини* (моим ухом), *чикинүүсээр мэнэ* (нашими ушами)
совм. п. *чикитэи мини* (с моим ухом), *чикинүүдтэи мэнэ* (с нашими ушами)
исх. п. *чикинээсэ мини* (от моего уха), *чикинүүсээсэ мэнэ* (от наших ушей).

Безлично-притяжательное склонение. В родительном, совместном, направительном и предельном падежах частицей безличного притяжания является *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*): *чирганачи* || *чиргачин* (саней) — *чирганачигаа* || *чиргачингаа* (своих саней); *гэрэи* (дома) — *гэрэишгээ* (своего дома); *онгоцэин* || *онгоцонэи* (бота, лодки) — *онгоцонэигоо* (со своим ботом, лодкой); *ойруу* (к лесу) — *ойруугаа* (к своему лесу); *бэсэцөө* (до пояса) — *бэсэцөөгөө* (до своего пояса).

В дательном-местном, винительном, орудном и исходном падежах частицей безличного притяжания является *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*). При ее присоединении отбрасывается конечный гласный. Например: *тахата* (подкове) — *тахатаа* (своей подкове), *тахараа* (своей подковой), *тахачиигаа* (свою подкову), *таханаасаа* (от своей подковы).

Парадигма безлично-притяжательного склонения

Им. п. *долоо* (семь)
род. п. *долоонэигоо* (семи своих)
дат.-м. п. *долоондоо* (к семи своим)
вин. п. *долоонэигоо* (семь своих)
ор. п. *долоогоороо* (семью своими)
совм. п. *долоотэигоо* (с семью своими)
исх. п. *долооноосоо* (от семи своих).

Имя прилагательное

Качественные прилагательные обозначают определенные признаки и свойства предметов: а) цвет: *цагаан* (белый), *күкэ* (синий); б) масть животных: *улаагчин* (рыжая — о кобыле или корове); в) вес, объем, размер: *джаа* (маленький), *дутуу* (неполный); г) температуру: *халуун*

¹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика..., т. I, стр. 179.

горячий), *күшитэн* (холодный); д) форму или облик: *дүрбэлд жин* (квадратный), *төгөр өвн* (круглый), *нилицар* (низенький), *куджи* (сплошной); е) физические свойства, черты характера: *улбар* (болезненный), *багджигир* (крепкий), *аар саар* (ветреная — о девушке) и т. п.

Качественные прилагательные могут иметь показатели степеней качества и формы интенсива: *цагаан* (белый) — *цагаахан* (беленький), *цагаабтар* (беловатый), *цаб цагаан* (белый-пребелый). Они могут сочетаться со словами-усилителями или образовывать редуPLICATIONИ: *кэцүү* || *кэчүү саин* (очень добрый, хороший), *одоо улаан* (красный-прекрасный), *тон тулюур* (очень плохой), *гаиги томо* (чрезмерно большой), (*нэлэнкэши хабтагар* (сплошь широкий), *цэб күшитэн* (совсем холодный), *шударгы түргэн* (быстро, без задержки), *учирги би бүкэ* (очень сильный), *тэкэн саари* (черные-черные цыпки), *дзутар муух^аи* (слишком грязный), *бул^аи улаан* (чрезмерно красный), *будзар холын* (очень далекий), *дзүдүр чинга* (слишком тугой), *цэб цэкэ* (прямой-прямой), *угаа урта* (чрезмерно долгий), *ар^аи дутуу* (чуть короче), *мантан томо* (большущий), *үргэлдждивөө хабтагар* (сплошь широкий), *чид улаан* (красный-красный) и др.

Для усиления качества может быть использовано несколько слов. Например: *холо илүү баян күн* (куда более богатый человек), *учир удхаги би үндэр* (чрезмерно высокий), *будзар бул^аи баян* (невообразимо богатый), *одоо бул^аи бэркэ* (чрезвычайно хороший).

Усилить качество предметов можно и путем использования внутренней флексии. Например: *томо* (большой) — *томуу даа* (очень большой), *набтар* (низкий) — *набтархан* (низенький) — *набтархуун* (очень низкий).

Уменьшительные и ласкательные формы прилагательных образуются посредством суффиксов: *-бэр* — *икэ* (большой) — *икэбэр* (большеватый), *-кэн* — *икэкэн* || *екэкэн* (большеватый), *-шиг* — *икэшиг* || *екэшиг* (побольше, довольно большой).

Относительные прилагательные образуются от именных и глагольных основ посредством суффиксов *-ту* — *модоту* (лесистый), *-рхаг* — *чилуурхаг* (каменистый), *-ркүү*, *-рхуу* — *кэлэркүү* (языкастый), *-ки* — *дзоцооки* (внутренний), *-лиг* — *сибарлиг* || *шибарлиг гадзар* (глинистая земля) и др.

Качественные прилагательные могут образовываться посредством суффиксов *-уу*: *дута* (не хватать) — *дутуу* (неполный); *-х^аи*: *бутар* (крошиться) — *бутарх^аи* (мелкий, раскрошенный); *-мк^эи*: *эцэ* (уставать) — *эцэмк^эи* (усталый); *-нги*: *сөөкү* (хрипеть) — *сөөнги* (хриплый); *-шуу*: *мог^эи* (змея) — *мог^эишуу* (змеевидный); *-г^аи*: *шудар* (чиркни, шаркни) — *шударг^аи* (шустрый); *-р*: *аки* (укоротить) — *акир* (недалекий, близорукий); *-гэн*: *гэмэр* (ворчать) — *гэмэргэн* (ворчливый); *-шиг*: *олон* (много) — *олоншиг* (многовато); *-г*: *саши* (болтать) — *сашиг* (болтливый); *-гар*: *шоб ии* (торчать, выдаваться) — *шобогор* (конусообразный) и др.

Качественные прилагательные могут образовывать такие сравнительные конструкции, как например: *хамагааса дүтэ* (ближе всех), *саин^аи саин* (лучше всех), *моилоосо амтат^аи* (вкуснее черемухи), *хамаг^аи сүүлдэ* (на самом конце).

Имя числительное

Количественные числительные состоят из простых и составных чисел. К простым относятся числа, состоящие из одного корня. Например: *нэгэ* (один), *хэжир* (два), *гурба* (три), *дүрбэ* (четыре), *таба* (пять), *дзургаа* (шесть), *долоо* (семь), *нашима* (восемь), *жисү* (де-

вять), *арба* (десять), *дзуу* (сто), *минга* (тысяча), *түмэ* (десять тысяч), *бум* (сто тысяч), *сая* (сто тысяч, миллион), *дживаа* (десять миллионов), *дунишуур* (сто миллионов).

К составным относятся числа, состоящие из сочетания двух или нескольких простых числительных, начиная со второго десятка: *арбан нэгэ* (одиннадцать), *арбан дүрбэ* (четырнадцать), *хорин таба* (двадцать пять), *дзуун дүчин наашма* (сто сорок восемь), *нэгэ минга долоон дзуун далан жүсү* (одна тысяча семьсот семьдесят девять).

У составных числительных при счете появляется конечный неустойчивый звук *н*, в десятках и сотнях последнего числа их и числах, указывающих круглые десятки и миллионы: *табан минга долоон дзуун наян жүсү* (пять тысяч семьсот восемьдесят девять), *арбан табан минга наашман дзуу* (пятнадцать тысяч восемьсот).

Склонение количественных числительных ничем не отличается от склонения имен существительных. Эти числительные, принимая лично-притяжательные частицы, могут субстантивироваться и принимать уменьшительный суффикс *-хан* (*-кэн*). Они склоняются обычным порядком.

Порядковые числительные образуются при помощи суффикса *-даки* (*-дэки*); иногда в речи хамниган можно услышать суффикс *-дугаар* (в том же значении). Например: *арабадаки* || *арабадки*, *арабадугаар* (десятый), *нэгэдэки* (первый) и т. д.

Разделительные числительные образуются путем повторения основ или посредством суффикса *-аад*: *таба табаар* (по пяти), но *арбаад* (по десяти.) Числительные с суффиксом *-аад* (*-ээд*, *-оод*, *-өөд*) выражают приблизительное число.

Разделительные числительные, образованные посредством суффикса *-аад* (*-оод*, *-ээд*), могут склоняться по падежам, а в значении существительного — принимать частицу притяжания.

Собирательные числительные образуются при помощи аффикса *-уулан* (*-үүлэн*). Они могут склоняться и принимать частицы притяжания. Например: им. п. *хоюулан* (вдвоем), род. п. *хоюулан²иимана* (нас двоих), дат.-м. п. *хоюуламдамана* (нам двоим) и т. д. Часто данный аффикс имеет форму *-уула* (*-үүлэ*). Например: *Олуула ябасун та гу?* (Много ли было вас?).

Дробные числительные образуются посредством сочетания количественных числительных, в которых знаменатель ставится в форме родительного падежа, а числитель — в форме основы, иногда со следующим за ним словом *хуби* (часть). Например: *дүрбэн²и гурбан хуби* || *дүрбэн²и гурба* (три четверти).

Названия долей целого, особенно половины чего-либо могут выразить следующие слова: *өрөөлө* || *үрөөлө* или *хагад* (половина), *бүхэли хагад* (полтора), *дабхар* (дважды, двойной), *өрөөл иин хагад* или *хагас²и хагад* (половина половинны или одна четвертая часть), *хагад өшөө хагас²и хагад* (половина и еще половина половины или четверть). Кроме того, употребляется и заимствованное слово *осьмууха* (восьмушка или одна восьмая часть).

К именным числительным относятся слова со значением числа, которые употребляются для обозначения неопределенного количества. Например: *олон* (много), *үцөөн* (мало), *үрөөсөн* || *өрөөсөн* (непарный, без пары) и др.

Количественные и другие числительные, входя в состав сложных сочетаний и теряя при этом значение числа, могут обрести значение существительных или прилагательных. Например: *табан гар наада²ху* (бу-

дут играть впятером), *долоон хотот^оши* (прожорливый), *таба үсүрдэг* (винтовка), *табан салаа* (подорожник).

Частое употребление числительного *нэгэ* (один) в словосочетаниях привело к образованию сложных слов посредством словосложения. Например: *нэжүды* || *нэкэды* (немножко) от *нэгэ*+*күды*, *нэкэсэг* (ненадолго) от *нэгэ*+*кэсэг*. В этих словах числительное *нэгэ* вошло в них как органическая часть.

Местоимение

Местоимения исследуемого говора по своему значению делятся на следующие разряды: личные, возвратные, указательные, вопросительные, неопределенные, обобщительные, выделительные.

К личным местоимениям относятся: *би* (я), *бидэ*, *бидэнэр*, *бидэнэд*, *маанад*, *маанар* (мы), *ши* (ты), *та*, *таанар*, *таанад* (вы).

Некоторую особенность представляет склонение личных местоимений 3 лица *тэрэ* || *тэрээн*, *тэрүүн*, *түүн* (он), *тэдэ*, *төдөөн*, *тэдэнэр* (они): им. п. *тэрэ*, *тэрээн*, *тэрүүн*, *түүн*; *тэдэнэр*, *төдө*, *төдөөн*; род. п. *тэрэн^эши*, *тэрээн^эши*, *тэрүүн^эши*, *түүн^эши*; *тэдэнэр^эши*, *төдөөн^эши*; дат. п. *тэрээндэ*, *тэрүүндэ*, *түүндэ*; *тэдэнэртэ*, *төдөндө*, *төдөөндө*; вин. п. *тэрэниши*, *тэрээниши*, *тэрүүни*, *түүни*; *тэдэнэриши*, *төдөниши* и т. д.

При соединении частицы личного притяжания с личным местоимением первого и второго лица образуется дублетная форма: *бии би* (я же), *бидэ бидэ* (мы же), *чиши чи* (ты же), *таа та* (вы же).

К указательным местоимениям относятся следующие слова: *энэ* || *өнө* (этот), *эдэ* || *өдө*, *өдөөн*, *эдэнэд* (эти), *эиимэ* (этакий, такой), *эд^эши* (столько), *тэрэ*, *төрөөн*, *тэрүүн* (тот, те), *тэдэ*, *төдөөн*, *тэдэнэр*, *тэдэнэд* (те), *т^эиимэ* (такой), *тэд^эши*, *түд^эши* (столько).

Вопросительные местоимения: *кэн* (кто), *кэд* (кто такие), *юү* (что), *юүд*, *юүнүүд* (что, какие), *ямар* (какой), *кэр* (каков, какой), *күд^эши* || *кэд^эши* (сколько) и др.

Неопределенные местоимения. К этому разряду местоимений относятся следующие сочетания: *кэн нэгэн* (кто-либо, кто-нибудь), *юү көөн* (кое-кто), *ямар нэгэн* (какой-то, какой-нибудь), *али нэгэн* (который-нибудь, какой-нибудь), *кэдэн*, *күд^эши*, *кэд^эши*, *нэжүд^эши*, *нэкэд^эши* (несколько), *юү күү* (кое-что).

Обобщительные местоимения: *бүгэдэ* (все, весь, каждый), *булта*, *баран* (все), *бүк^эши*, *бүкэ* (весь), *бүкэн*, *бүри* (каждый), *ламаг* (весь, все), *цугтаа* (вместе), *цуг*, *хуу* (все, весь) и др.

Выделительные местоимения ограничиваются словами *биши* (другой, иной) и *бишин* (другие, остальные).

Парадигма склонения местоимений
Им. п. *чи* (ты), *өөрөө* (сам), *кэн* (кто)
род. п. *чинши* (твой), *өөр^эшигөө* (самого), *кэн^эши* (кого)
дат.-м. п. *чимада* (тебе), *өөртөө* (себе), *кэндэ* (кому?)
вин. п. *чим^эшиги* (тебя), *өөр^эшигөө* (себя), *кэншиги* (кого?)
ор. п. *чимаар* (тобой), *өөр^эшигөөрөө* (собой), *кэнээр* (кем?)
совм. п. *чамат^эши* (с тобой), *өөрт^эшигөө* (с собой), *кэнт^эши* (с кем?)
исх. п. *чимааса* (от тебя), *өөрөөсөө* (от себя), *кэнээсэ* (от кого?)

Глагол

Образование глаголов в исследуемом говоре происходит от неприводной первичной и производной вторичной основ. Вспомогательный глагол *а-* (быть) может принимать участие в образовании многих сложных

глагольных видовых форм: 1) повелительно-желательная — *ябатуг²ии* (пусть сходит) от *ябу + атуг²ии*; 2) желательная — *ирэс³ии* (хоть бы приехал) от *ирэ + асугай*; 3) перфектный претерит — *ирөө ааб⁴ии?* (неужели приехал?); 4) изъявительная форма настоящего времени — *ябам⁵ии чи?* (захаживаешь?); 5) имперфектный претерит — *аджина сууджи баина* (ничего живет); 6) неоднократное причастие — *ирөсөн агчини бээ* (неужели приехал?); 7) будущее причастие — *очикху акху* (видимо, уедет); 8) прошедшее I причастие — *Төрөсөн эцэгэмини хасаг асан аху* (Мой родной отец, видимо, был казаком); 9) соединительное деепричастие — *аджи баидал* (нормальная жизнь); 10) разделительное деепричастие — *ябусан аадла* (был же); 11) условное деепричастие I — *ябахула аасу* (если будешь); 12) условное деепричастие II — *ябаджез акхула* (будет посещать); 13) причастие настоящее вопросительное — *Ирөмөөр аа гу?* (Возможно ли прнехать?) и т. д.

Форма от глагольной основы *бэ-* || *бө-* (быть) также имеет различные варианты: *б⁶ии* (есть), *бэлээ* || *бэл⁷ии* (да, было), *бэдээ* (утверждение — да), *б⁸иидээ* || *бээ* (вопросительная частица со значением «ли») и др.

Глагольная основа *гэ-* || *гө-* также может образовывать различные формы вспомогательного глагола: *гөө* (так сказал), *гөөчи* (так и есть), *гөнө* (так говорит), *гөөб⁹ии* (так и будет) и др.

Помимо модальных и служебно-предикативных функций, названные вспомогательные глаголы могут образовывать довольно пеструю картину аналитических форм сложных времен. Таковую же роль в этой системе выполняет вспомогательный и служебный глагол *баји*¹.

С п р я ж е н и е. Одной из особенностей рассматриваемого говора является то, что в нем личные местоимения 1-го и 2-го лица еще окончательно не превратились в предикативные частицы. Произносятся они отдельно от глаголов-сказуемых. Только в третьем лице множественного числа глагол принимает частицу *-д*. Приведем примеры: 1 л. — *орono би* (захаживаю я), *орono бидэ* (захаживаем мы); 2 л. — *орono чи* (захаживаешь ты), *орono та* (захаживаете вы); 3 л. — *орono* (захаживает), *орonod* (захаживают).

Некоторые причастные формы вместо личных местоимений в качестве показателя лица принимают личное притяжание. Например: *очикхумана* (едем), *ябудагтана* (который бывает), *ирөсөнмэнэ* (когда мы пришли), *би яаджи харакхумини* (как я сумею усмотреть).

Основным аффиксом образования настоящего времени является аффикс *-на* (*-но*, *-нэ*), реже — *-н* и как вариант — *-нам*. Нередко настоящее время может выражаться сочетанием, состоящим из соединительного деепричастия и вспомогательного (или служебного) глагола в настоящем времени. Например: *дзони икээр күндэлджи баина* (хорошо угощают людей); *өвсөнөө нума годолго бариджи ябана* (Они сами носят свои луки со стрелами).

Аналитическая форма настоящего времени со вспомогательным глаголом *баина* часто переходит в синтетическую форму. Например: *гүииджээнэ* (бегает), *унтаджаана* (спит) и т. д.

П о в е л и т е л ь н о - ж е л а т е л ь н о е н а к л о н е н и е. Формы повелительного наклонения глагола принимают на конце лицевые показатели и могут дополнительно уточняться модальными словами и частицами.

Повелительная форма 2-го лица единственного числа представляет собой основу глагола: *буу дуугара!* (замолчи!), *үтүр гара!* (уйди!). Повелительная форма 2-го лица множественного числа может образо-

¹ См.: Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика... Глагол, стр. 79—80.

вываться с помощью суффиксов *-гт^аии* (*-гт^эии*, *-гт^уии*, *-гт^үии*): *Таа нам^аии бүү мохоогт^уии* (Вы меня не укоряйте); *-уул* (*-үүл*): *наасха+уул=наасхуул* (забавляй).

Просительная форма 2-го лица образуется с помощью аффиксов *-аиичи* (*-^оиичи*) и *-аиита* (*-^сиита*, *-^эиита*). Например: *Нама тааси юндэ табинаб^аиита* (Почему вы пускаете на меня?), *Кэдзээ харааб^аиичи?* (Когда ты видел?).

Пригласительная форма 1-го лица образуется при помощи суффикса *-я* (*-е*, *-е*): *Хадая даа* (Давайте-ка приступим к косьбе), *Наа-дая* (Будем играть), *гүиие* (Побежим).

Желательная форма может образовываться двумя способами: 1) с помощью суффиксов *-с^эии* (*-с^эии*, *-с^эии*) или *-аас^эии* (*-оос^эии*, *-ээс^эии*). Например: *Намада үгэс^эии даа* (Хоть бы дали мне); *Гэртээ очис^эиито даа* ; *Гэртээ очоос^эиини даа* (Хорошо бы было, если бы вы или они уехали домой);

2) желательная форма 1-го лица — посредством аффикса *-суу* (*-сүү*). Например: *би гэртээ баиисуу би даа* (побуду я дома), *бидэ гарсуу бидэ* (нам бы выйти).

Повелительно-желательная форма 3-го лица образуется при помощи суффикса *-г*: *хараг* (пусть смотрит). Иногда употребляется повелительно-желательная форма с аффиксом *-түг^эии* (*-түг^эии*): *олотүг^эии* (пусть найдет).

Заверительно-желательная форма образуется при помощи аффиксов *-ууджин* (*-үүджин*) и *-ууджи* (*-үүджи*), *-гууджин* (*-гүүджин*) и *-гууджи* (*-гүүджин*). Например: *сүүлдэ чимада кэлүүджи+(б)и=кэлүүджи* или *кэлүүджин+(б)идэ=кэлүүджиидэ* (потом тебе скажу или скажем).

Повелительно-наставительная форма 2-го лица будущего времени образуется аффиксом *-аар^эии* (*-оор^эии*, *-өөр^эии*, *-ээр^эии*): *күлээлгэ+ээр^эии=күлээлгээр^эии* (пусть тебя подождет).

П р и ч а с т н е. Причастия образуются следующими способами: 1. Причастие прошедшего времени образуется посредством аффиксов *-аа* (*-оо*, *-өө*, *-ээ*), *-гаа* (*-гоо*, *-гөө*, *-гээ*), *-яг* (*-эг*, *-еэ*). Например: *буудаа* (стрелял), *цок^эо* (бил), *дал^эишаа* (размахнулся).

2. Причастие давнопрошедшего времени образуется с помощью аффикса *-сан* (*-сон*, *-сөн*, *-сэн*). Часто после него употребляется вспомогательный глагол *аху* или *баиикху*. Например: *анхан^эии баиисан аху* (постоянно, видимо, жил; постоянно проживающий), *исиг^эии гэр цоо сууджи баиисан* или *сууд жаасан* (жили в войлочной юрте).

3. Причастие совершенно-прошедшего времени образуется посредством суффикса *-нх^эии* (*-нх^эии*, *-нх^эии*): *очинх^эишл асун* (уходили).

4. Причастие будущего времени образуется при помощи суффикса *-ху* (*-ха*, *-хо*) или *-кү* (*-кө*, *-кэ*). Это причастие может входить в составное глагольное сказуемое: *ябаху байкху* (может быть, съездит). Синтетическая форма этого причастия образуется следующим образом: *абчи+ирөкөмини=абчиркөмини* ; *абчиркөм* (сейчас же принесу), *ябаджи+очихомини=ябадчихамини*, *ябадчихам*, *эбодчихамини* (сейчас же уйду).

5. Постоянное причастие с оттенком неоднократного действия образуется с помощью аффиксов *-аачи* (*-оочи*, *-өөчи*, *-ээчи*), *-даг* (*-дог*, *-дэг*). Например: *Тэндэ суугаачи күн кэн бээ?* (Что за человек, сидящий там?) С помощью аффикса *-гчи* могут образовываться как однократные причастные формы, так и многократные. Например: *ман^эида ирөөчи көм бээ?* (Пришедший к нам, кто был?), в то же время *Тэрэ күн ман^эида ирөгчи* (Тот человек бывает у нас).

6. Причастия возможности образуются при помощи аффиксов *-маар*

-моор) и -аар (-оор, -өөр, -ээр). Например: *чимада кэлэмээр || кэлжээр болосон көн чи даа* (давно пора тебя предостеречь).

Деепричастие. Сопутствующие деепричастия: 1. Соединительное деепричастие образуется с помощью аффикса -джи, имеющего свой вариант — чи: *гарчи очибо* (вышел). Это словосочетание может слиться в *гарчичиба || гарчиба* с тем же значением; *абчи + очоо = абчоо* (унес).

2. Слитное деепричастие образуется посредством суффикса -н: *Орон гаран бү баи, гэр күрэкү* (Не бегай назад и вперед, дом остынет).

3. Разделительное деепричастие образуется при помощи аффиксов -аад (-оод, -өөд, -ээд) и -гаад (-гоод, -гээд). Например: *Чиш намааса чигналд абаа чи гу?* (Ты, наверное, от меня слышал?).

Обстоятельственные деепричастия: 1. Условное деепричастие образуется при помощи аффикса -бал (-бол, -бэл): *Би чинии очибол буцаха би* (Если ты поедешь, то я вернусь).

2. Предельное деепричастие образуется посредством аффикса -тар (-тор, -тэр): *таанас^аии күртэртэнэ, би күцэжү би* (я догону вас, пока вы доедете).

3. Продолжительное деепричастие образуется при помощи аффикса -саар (-сөөр, -сээр): *цашигаа уусаар ла сууна* (он сидит, попивая чай).

4. Предварительное деепричастие образуется с помощью аффикса -мцаар (-мцоор, -мцээр): *унишимцаар* (как только прочтете).

5. Последовательное деепричастие образуется от глагольной основы при помощи аффикса -халаар (-холоор, -хэлээр). Например: *үкэрөө саа-халаараа, ман^аиуда ирөкө* (Когда подоит своих коров, придет к нам). При образовании данного вида деепричастий нередко обнаруживается явление синкопы, заключающееся в выпадении слога *ал* от -х(а)аар и образовании усеченной формы -хаар (-хоор, -хөөр, -хээр). Например: *Чи т^аиикөөрни, бү көөрөөри* (Если так сделает, ты больше не рассказывай). *Нэгэ көлөкөөрмини, бичинэ* (Как скажу слово, так сразу пишет).

6. Заменное деепричастие образуется от основы глагола с помощью суффикса -нхаар: *Ошилгуулна би гэджи оролдонхаар, болёо ааса дөөрэ* (Чем напрасно толковать ему, лучше перестать).

7. Попутное деепричастие образуется посредством аффикса -нгаа (-нео, -нгээ): *ябунгаа гараба* (выходит отправляться в путь).

8. Целевое деепричастие образуется с помощью аффикса -х^аишгаа (-к^аишгээ): *цоких^оишгоо санаа* (хотел ударить).

9. Деепричастие образа действия может быть образовано от основы глагола при помощи аффикса -х^оишца (-х^оишцо, -к^аишцэ): *Бороо оро-х^оишцо ороо* (дождь шел беспрестанно).

Наречие

По своему значению наречия делятся на два разряда: качественно-определятельные и обстоятельственные.

К а ч е с т в е н н о - о п р е д е л и т е л ь н ы е: 1. Наречия образа действия: *шибту шубту* (насквозь, напролет), *джилджи | джалджи* (криво, набок), *зет^аишгээр ачиху* (аккуратно погрузить), *об-тоб үлөө* (кое-где осталось), *хулд-халд идөкү* (быстро, на ходу поесть), *дзантар || дзунтар гишиклэжү || гишкэлэкэ* (шагать вразвалку).

2. Количественные наречия: *нэкүд^аиш || нэкэд^аиш* (несколько, ненадолго), *нэгэ мөсөн* (враз), *улам цаашаа* (все дальше, беспредельно), *джаала джаахан* (немного, мало), *дуран цоогоо* (сколько угодно), *дуран уруугаа* (куда угодно, сколько угодно).

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е н а р е ч и я показывают время,

место, способ, причину действия и состояния предмета. К ним можно отнести: *мэнэ сая* (недавно, только что), *мэнэ гэсээр* (сейчас же), *эртээр³ии* (недавно, не так давно), *эртээртээ* (не так давно), *үнөөкүдэ* (недавно, не так давно), *сүүлдэ* (потом, когда-нибудь), *энэ дороо* (сейчас же, сию минуту, немедленно), *халта курэжү* (чуть-чуть задерж или на минутку зайти), *ходжим төөши* || *тээши* (позже, погодя, через некоторое время), *цула* (постоянно, всегда, беспрерывно), *нэкэсүг* || *нэкэсэг* (не так долго, ненадолго), *дзаримт^аиудаа* (иногда, кое-когда), *дэндүү* (чрезмерно, слишком, совсем). Встречаются и старые наречия типа *күджи* (сплошь, постоянно), *тээмэндэ* (тогда-то, не так давно), *тээцэгэн* (тогда-то, недавно).

Послелого

В исследуемом говоре имеется много послелогов. Функция их разнообразна. Это наглядно можно увидеть из последующего обзора.

Послелог *дотор* (в, внутри) имеет свои варианты — *дотуур*, *дотоо*, *дотоогуур*, употребляющиеся в речи наравне с основным послелогом в том же значении. Например: *Күүгэд хорээн дотуур наадчи башина* (Дети играют в ограде); *Сүн дотоо ороо* (Попаало в молоко).

К указанным выше послелогам очень близки по своему значению послелого *дзоцоо*, *дзоцоогоо*, *дзоцоогуур* (в, внутри, по), которые в свою очередь похожи на послелого *цоо*, *цоогоо*, *цоогуур*. Послелого *дзоцоо*, *дзоцоогоо*, *дзоцоогуур*, очевидно, образованы от омертвелой основы *дзо* + *плюс цоо*.

Послелого *тээ*, *тээки*, *тээши* (в, на, в сторону) могут иногда иметь сингармонические варианты — *тээ* || *таа*, *тээки* || *тааки*, *тээши* || *тааши*: *буруу тээшини* || *буруу таашини* (в другую сторону), *Ага тээкин* || *Ага таакин* (агинские), *баруун тээ* || *таа* (на западе). Послелог *сааша* в говоре ононских хамниган употребляется в виде *цааси* с тем же пространственно-временным значением и управляет исходным падежом имени. Например: *Килөвсөө цааси мэдэкэг^и би* (Не знаю дальше своей границы).

Послелог *удаа* (за, после) имеет еще дополнительное значение (подряд) и часто управляет родительным падежом имени. Например: *мини ирөө* (за мной пришел); *гурба-дүрбэн джил удаа ябаа* (бывал подряд три-четыре года).

Послелог *дундуур* (посередине чего-либо) может быть употреблен вместо послелога *хагадаа* и управляет родительным падежом имени. Например: *сил^биин дундуур* или *сил^биин хагадаа* (до половины голени).

В речи хамниган употребляются следующие послелого: *бол* — усеченная форма послелога *болбол* (если), *адали* (одинаков с, вроде, почти), *түсөөт^иии*, *тоон^иии* (почти). Например: *Ябаа бол кэлээр^иии* (Если будешь уходить, то скажи).

Послелог *дэргэдэ* (возле, около) обычно произносится как *дэргэндэ*: *гэр^иии дэргэндэ суусан* (сидели возле дома). С этим послелогом синонимичны послелого *дзахада*, *оширони* (возле, около, у), *дзахаар*, *хаджуугаар*, *ошигуур* (мимо, у). Они управляют родительным падежом основы. Поэтому в предложении можно использовать любой из перечисленных послелогов: *Амбаар^иии дэргэндэ* (*дзахада*, *оширони*) *дзогсоджээнэ* (Стоит возле амбара); *Минии дзахаар* (*хаджуугаар*, *ошигуур*) *гараа* (Прошли возле меня) и т. д.

Имеются послелого, образованные посредством аффикса *-гуур*. Таковы, например: *оии+гуур=ошигуур* (возле, мимо, около, у) — *мал^иии ошигуур* (возле скота); *дзүү+гүүр* или *гээр=дзүүгүүр* || *дзүүгээр* (налево — *хорёон^иии=хорёон дзүүгүүр* || *дзүүгээр сууна* (сидят по левую сторону забора); *удаа+гуур=удаагуур* (подряд) — *хоёр джил удаагуур очисон* (ездил два года подряд).

В говоре ононских хамниган имеет место образование аналитических послелогов, которые в основном выражают пространственные, временные отношения и управляют именем в родительном и некоторых других падежах.

В этих аналитических послеложных сочетаниях, состоящих из двух и более послелогов, с формальным значением чаще всего выступают послелог *тээ*, *цоо*, которые в предложении можно опустить без ущерба основному смыслу. Например *Гэр^ии цаад тээ суунад* (Они сидят за домом), в этом предложении послелог *тээ* можно опустить — *Гэр^ии цаана суунад* (Они сидят за домом). *Нэгэ сар^иин турши цоо городто башигаад ирөөн би* (Я был в городе в течение одного месяца) можно заменить фразой *Нэгэ сар^иин туршида* (или просто *нэгэ сара*) *городто башигаад ирөөн би* (Я был в городе в течение месяца).

Частицы

Лично-предикативные, лично-притяжательные, безлично-притяжательные и другие частицы, как уже отмечалось выше, почти не подверглись усечению, поэтому они все еще сохраняют свою самостоятельность. Если сравнить модальные частицы бурятского языка *аабза*, *алтай*, *бишуу* с соответствующими образованиями исследуемого говора, то увидим, что последние сохраняют свое раздельное произношение: *аа бэдээ*, *ала-т^ии*, *биши уу*. Только предположительная частица *бэдээ* произносится слитно.

Вопросительная частица *бэ* в исследуемом говоре не имеет своего усеченного варианта *-б*, произносимого слитно с предыдущим словом. Волею того, она нередко употребляется в форме *бэй*: *Таа хаанаки асан тана бэй?* (Откуда вы будете?).

Вопросительная частица *гу* в большинстве случаев произносится как *гу*: *Би чимааса сурасан биши би гу?* (Я же спрашивал у тебя?). Форма частицы *гу* появилась в последнее время, очевидно, под влиянием бурятского языка.

Вопросительные частицы *гу* и *уу* и притяжательная частица 2-го лица образуют синтетическую форму. Образование синтетической формы осуществляется двумя способами:

1) к частице личного притяжания 2-го лица единственного и множественного числа присоединяется вопросительная частица *гу*, которая при этом теряет гласный звук *и+г=чиг*, *та+г=таг*. Например: *Чи ябаа чиг?* (Был ли ты?), *Та ябаа таг?* (Были ли вы?); 2) к частице личного притяжания 2-го лица единственного и множественного числа присоединяется вопросительная частица *уу*, при этом гласные притяжательных частиц выпадают, — *ч(и)+уу=чуу* и *т(а)+уу=туу* (ли): *Ирөө чуу или чи гу?* (Ты приехал?), *Очез туу* или *та гу?* (Вы были?).

В говоре хамниган употребляются отрицательные частицы *битэг^ии* (ии в коем случае), *үлү*, *эс* (не), *буу* (не). В качестве частицы отрицания часто используется частица *биши* или *бусу* (не): *Төрөөнөөсэ биши юүмэ кэрэгг ии* (А больше ничего не надо), *төрөөнөөсэ ондоо бусу юүмэ кэрэгг ии* (кроме этого больше ничего не надо). В значении отрицания может употребляться имя прилагательное *бэркэ* (трудно). Например: *дзабни бэркэ* (нет времени), *гүшикэчи бэркэ* (невозможно бежать), *бэркэт ии башина даа* (невозможно, трудно). В случае категорического запрещения употребляется частица *битэг^ии* и наречие *ар^иичиги* || *ар^иичи* (ии в коем случае). Например: *Күбүүниини битэг^ии* или *ар^иичи цок^орошил чи* (Ни в коем случае не бей его сына). Так же, как и в бурятском языке, с отрицательным значением употребляется слово *үлдэ^ии* (не): *чино үлдэ^ии башина* (волк не тревожит).

Широкое распространение имеют частицы, образованные от основы вспомогательного глагола *a-* (быть). Об этом упоминалось выше, при описании вспомогательных глаголов. Приведем лишь примеры: *Дашии болохоор (болохолоор) бичээ асан акху даа* (Видимо, писал в самом начале войны); *Дэалуу ябагдаа асун аа бэдээ би даа* (Я был тогда молодым).

В хамниганском говоре употребляется утвердительная частица *чиги*, что по своему звучанию соответствует старописьменной частице *vigi*, но отлична от бурятской — *-шье*. Например: *чим^vиичиги хар'ээкху* (и тебя тоже будут ругать). Ср. *Olan-cigi boltuyai (batu olbasu), kōmūldürge ker multurki büluge?* (Подпруга может сползти, но как могла сползти еще и подгрудная шлея?)¹.

Утвердительная частица *даа* часто имеет свои сингармонические варианты — *доо, дөө, дээ* — в зависимости от состава гласных слов. Например: *кэлээл дээ* (да говорил), *хоноо чи доо* (ты ночуй), *ирөөл асан ла дөө* (приезжал), *адли дээ* (очень похож).

Вместо частицы *хаяа* бурятского языка в говоре ононских хамниган употребляется комплекс, состоящий из трех самостоятельных частиц — *акху гу даа* (в тоне утверждения — *да*). Например, в бур. яз. *ошобо хаяа* (кажется, уехал), в хамниганском говоре *очибо акху гу даа* (уехал ли?).

Союзы

Более распространенными союзами в исследуемом говоре являются: *хари* (но) вместо *харин* бурятского языка, *т^vиигээд* (но) вместо *теэд* бурятского языка, *аад* (но, а), *дзүгөөр* (но, хотя), *гу али, али — гу* (то ли, то ли), *нэгэ гээсэ, гэбэл — үг^vии ааса* (либо-либо), *нэгэ ааса — үг^vии ааса* (либо-либо), *хэрбээ ааса* (если) вместо *хэрбээ-һаа* бурятского языка, *хада, ааса* (если), *болоод* (и, да). Например: *Ябаху ааса яба, үг^vии ааса үг^vии, боли цаашаа* (Если поедешь, то езжай, если нет, то не собирайся).

Так же как в монгольском и бурятском языках, в говоре для соединения имен, обозначающих одушевленные однородные предметы, употребляются количественные числительные *кхојир* (два), *гурба* (три), *дүрбэ* (четыре) в значении сочинительных союзов: *үкэр кхони кхојирт^vии бида* (у нас — корова да овца).

Междометия

Междометия хамниганского говора имеют лишь незначительные отличия от междометий бурятского языка.

Приведем примеры. Чувство удовлетворения может быть выражено словами: *айг (күшикур), талаан чи даа, бар^vии чи даа, дээ, ух^vии чи даа* и др.

Чувство разочарования выражается словами: *ян гээчи даа, ай халаг мини, эй дзолиг даа, хара будзар, хара шилмо гээчи акху даа*.

В говоре имеются слова междометного характера для зова животных или обращения к ним: *хол^vии, хул^vии!* (для изменения направления движения или остановки овец и коз при их пастьбе); *һэчи!* (при гоне скота); *һэ гэн^vии* (для изменения направления движения или остановки скота); *һаать! һаать!* (при гоне овец); *дрр! ддрр!* (для остановки лошади); *нээ! нээ!* (для начала или ускорения движения лошади); *таать! таать!* (при гоне коз); *цооб!* (для повзрата движения волов направо); *цобой!* (для поворота движения волов налево); *һаа! гэн^vии* (для усмирения ко-

¹ См.: «Сокровенное сказание», § 80, стр. 334.

ровы); *чууш! чууш!* (для отгона свиней); *чүүг! чүүг!* (для зова свиней); *һээ-эй! һүү-үй!* (при нападении волка); *һээ-эй!* (обращение к человеку, чтобы остановить его); *этэк'ии, даарану би ай!* (я замерз), редко *тэт'ии* или *т'ии*, как и в бур. яз. (выражение чувства холода)

Слова приветствия, прощания, клятв и ругательств: *мэндэ амар!*, *мэндэ! мэндэ баинта!*, *ма.лдууса мэндэ!* (здравствуйте); *хаширлаа? тий!*, *кү.лицэгт'ии!*, *кү.лисээд тээ!*, *эндүү андуу кибэл би, эндэбэ андира гэжиг би!* (Простите, пожалуйста, я допустил ошибку!); *Арил! Тонил цаашид!* (Уходи! Уходи!); *хара дзолиг!*, *дзолиг!* (черт); *монди!* (черт! сволочь!), *дзолибо* (бродяга); *хара чидкур!* (сволочь, черт).

Заключение

Говор олонских хамниган, как указывалось выше, имеет свои особенности. Появлению многих особенностей говора, надо полагать, способствовало географическое расположение говора, находящегося на стыке двух языков: бурятского и монгольского, что являлось условием для появления переходных моментов в нем. Носители одного и другого говора проживают относительно сплошным массивом, составляя более или менее однородную этнографическую группу. Т. А. Бертагаев отмечает, что «... носители языков, как бы количественно ни были малы, если живут компактно, не утрачивают параметры своего койнэ и всегда сохраняют в какой-то степени языковое единство». Это высказывание вполне применимо при характеристике исследуемого говора.

Общественные функции родного языка хамниган Кыринского и Акшинского районов (или вверх по Онону — за пределами Агинского бурятского национального округа Читинской области) ограничиваются бытовым функционированием. Иными словами, он служит средством общения в быту и частично на сельскохозяйственном производстве.

Для хамниган Агинского бурятского национального округа (Дудинского, Агинского и Могойтуйского районов) общественные функции родного языка определяются гораздо шире. Здесь он является средством общения в колхозах и совхозах, средством преподавания в школе; средством агитационно-пропагандистской и другой культурно-массовой работы.

Интересно отметить, что язык нижеудинских бурят перекликается с языком олонских хамниган, хотя нижеудинцы проживают на западной окраине Иркутской области, то есть на расстоянии в несколько тысяч километров от олонских хамниган. Объединяющим фактором является то, что нижеудинцы, так же как и олонские хамниган, являются выходцами из Внутренней Монголии¹ и живут в иноязычном окружении в течение трех с лишним веков. Находясь в такой языковой изоляции от большинства западно-бурятских говоров, они в своей речи сохранили более древние элементы монгольского языка. Например: 1) сохранение гласного первого слога: *шинэ* (у нижеудинских бурят и олонских хамниган) вместо общепурятского *инэ* (новый), *джиргал* — (счастье); 2) согласный *q* древнемонгольского языка функционирует как качество смычного *k*, а иногда как аффрикативный звук *kh*: *унта* (нижеуд.) вместо общемонгольского *хара* (черный); *унтака* (нижеуд.) вместо общепурятского *хара* (черный); *унтакху* (он. хамн.) — *унтаха* (спать); *кхокир* он. хамн. вместо общепурятского *хочир* (спать).

¹ Т. А. Бертагаев. О койнэ и о путях развития национальных языков в развитии литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965, стр. 89.

² См.: А. А. Дарбеева. О некоторых вопросах общественной функции родного языка. «Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху». Улан-Удэ, 1965, стр. 27.

гольского *хохир* (подстилка — навоз), *кхожир* он. хамн. — *хоёр* (два); 3) исторический звук *к* сохранился в переднерядном варианте: *кэлэ(н)* — нижеуд. бур., он. хамн. вместо общемонгольского *хэлэн* (язык), *кээрэ* — *хээрэ* (поле).

Хамниганский говор можно сравнить и с уральским говором калмыцкого языка, который также находился в изолированном положении от других говоров в течение продолжительного периода. В нем также сохранились древние элементы калмыцкого языка: сохранение дифтонгов в отдельных позициях, смычного *к*¹, наличие звука *э*, отчасти *о*, *н* в перерывах слога слова, сохранение отдельных слов, восходящих к периоду создания старокалмыцкой письменности².

Вследствие постепенного воздействия языка агинских бурят и по внутренним законам дальнейшего развития языка в исследуемом говоре произошли изменения, приблизившие его к другим говорам бурятского языка. Многие старые фонетические черты старописьменного монгольского языка принимают вид современного состояния. Так, например, в фонетике произошли следующие изменения: 1) ускорен процесс прохождения перелома гласного *и*, в результате чего имеются и старая и новая формы слов (*джирүкү*, *дзүржү* — «сердце»); 2) историческая форма дифтонгов (*еји*) не потеряла своего дифтонгического характера, встречаются восходящие дифтонги *еји*, *еii*, *еii*, а в односложных словах *аэ* (*аэл* — «семья»). В некоторых словах сохранились двослоги, но имеются и долгие гласные (*хуругу*, *хуруу* — «палец»), конечные гласные *у*, *ү* в именах и причастиях стали заменяться гласными *а*, *о*, *э* (обычно *ү* токчицев, узонцев и гунуйцев) и др.

В лексике говора орудия труда, применяемые в сенокосении и земледелии, а также бытовые предметы имеют старые, заимствованные и вновь появившиеся бурятские названия (*дзэнгэрез*, *дугуши*, *цагариг* — «колесо», *хомноо*, *бухал* — «копна»); образование новых слов в нем такое же, как и в других говорах бурятского языка.

В морфологии обнаруживаются двойное употребление надежных окончаний (*саран^аши* и *сар^ашин туяа* — «лунный свет»), спряжение личных местоимений, сложные формы частиц (*б^эиидзэ*, *б^эшил^тши*) и др.

Приведенные примеры влияния бурятского языка на исследуемый говор показывают, что, находясь на стыке монгольского и бурятского языковых подразделений, лингвистическое содержание языка ононских хамниган все дальше отходило от монгольского языка, приближаясь к бурятскому, хотя они в большинстве своем и являются выходцами из Монголии.

Изложенное выше свидетельствует о том, что длительный период совместной жизни и языка хамниган с бурятами привели к переходу их языка с монгольского на бурятский. Поскольку в языке ононских хамниган не обнаруживаются остаточные явления от тунгусского языка, можно констатировать, что их язык не имеет родственного отношения с тунгусским.

Итак, в процессе изучения материалов о говоре ононских хамниган установлено, что в нем переплетаются особенности, свойственные как монгольскому, так и бурятскому языку с преобладанием черт последнего. Язык ононских хамниган, кроме того, имеет и свои собственные своеобразия, поэтому он составляет самостоятельный говор бурятского языка.

¹ См.: Д. А. Павлов. Состав и классификация фонем калмыцкого языка. Элиста, 1963, стр. 85—86.

² Д. А. Павлов. Уральский говор и некоторые вопросы развития фонетической системы калмыцкого языка. «Зап. Калмыцкого науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории». Вып. 3, серия филол., Элиста, 1964, стр. 68.